

**ГАПАРОН
ГАРСАРОВ**

**ГАЛЕРЕЯ
ДЕМОНОВ
ЛАМБРАНТА**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Гапарон Гарсаров
Галерея демонов Ламбранта

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Гарсаров Г.

Галерея демонов Ламбранта / Г. Гарсаров — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Молодой адвентист Вадим Плетнёв уходит из дома, чтобы полностью посвятить себя вере. Но новая жизнь сразу же не задалась. Сначала у него крадут все сбережения, хулиганы сжигают машину, да ещё власти обвиняют Вадима в похищении трёх детей. Защищать парня берётся слепой баптист, который скрывает под своей шляпой рога, разбирается в сатанинских знаках, а на досуге изготавливает демонические украшения. Странно, что его боятся даже бесы, расследующие убийства в адвентистской общине. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог. Веришь ли ты в апостолов?	6
Часть I. "Чёрт те что"	8
Глава 1. Гадина	8
Глава 2. Адвентисты-сатанисты	25
Глава 3. Округ Дьявола	39
Конец ознакомительного фрагмента.	52

В оформлении обложки использован фрагмент картины 1828 г. «La Ronde du Sabbat» художника Louis Boulanger с сайта:

<https://i.pinimg.com/originals/1f/0a/54/1f0a54a61e45f97b3b00df4600f72cb7.jpg>

«Умереть – значит, присоединиться к большинству»

Петроний Арбитр Гай

Пролог. Веришь ли ты в апостолов?

Аркаша укрылся одеялом по самую голову. Так он планировал решить сразу несколько проблем. Прежде всего, согреться. Апрель в этом году выдался на редкость холодным, а топить в доме перестали вот уже как неделю назад. Из подпола тянуло сыростью, да и окна продувало ветром. От этого по стеклу постукивала ветка калины, нагоняя страх на шестилетнего мальчика. А под ватным одеялом он всё ж таки чувствовал себя в безопасности.

– И чё, дрыхнуть теперь? – раздался недовольный голос Гриши с соседней кровати.

– Отец же сказал, – отозвался другой брат – Алёша, самый старший.

В прежнем доме у каждого из них была своя комната, поэтому болтовня перед сном случалась редко. Теперь же приходилось ютиться в одном маленьком помещении всем троим. К тому же кровати неудобные – короткие, низкие, неровные. На таких даже не попрыгать, да и лежать совсем не комфортно. Правда, отец обещал скоро решить все эти проблемы.

– Ой, – вздрогнул Аркаша от очередного стука по окну и испуганно уставился в темень.

– Как девчонка! – усмехнулся Гриша и перепрыгнул на кровать к братишке. – Таракашек тоже боишься? Их тут много!..

– Ты не ори, – потребовал Алёша, толкнув мальчика ногой. – Хочешь опять до утра простоять коленями на горохе?

– А, не-не, – мигом присмирел средний брат и стянул одеяло с младшего. – Ты чё? От кого там прячешься?

– От чертей, – промямлил Аркашка, пытаясь вновь укутаться.

– Каких? – ухмыльнулся старший брат.

– С кладбища, – неуверенно ответил младший, но на этот раз одеяло у него забрал Алёша, тут же накинув его себе на плечи. – Дай сюда, это моё!

– Трусишки должны мёрзнуть, – деловито подметил он, прохаживаясь вдоль кроватей. – Тем более, что с кладбища вообще никто не может прийти.

– А мертвецы? – уточнил Гриша, сидя в ногах младшего брата. – Я слышал, они в луну встают из могил и ищут свежую кровь...

– Единственный день, когда кто-то встанет из могил, будет днём пришествия Христа, – твёрдым голосом заявил Алёша. – Ты забыл, что ли? Я утром скажу отцу, чтобы тебя опять просветили.

– Да не, не надо, – взмолился Григорий, поднявшись к старшему брату. – Ну, пожалуйста! Я не хочу опять переписывать ту дурацкую книжку...

– Ого, ещё и любимую книгу отца назвал дурацкой! – не унимался Алёша. – Получишь ты по носу тогда!

– Учительница говорила, кто не спит – тот чёрт, – вспомнил Аркаша, глядя на потасовку братьев.

– Эта та гримза очкастая? – веселился старший, накинув на Гришу отобранное одеяло, так что теперь тот был похож на привидение. – Пфф, она ещё говорила, что молоко пить нельзя, а надо, как коровам, жевать одну только траву.

Григорий рассмеялся под одеялом, а Алёша принялся его вертеть на месте, мешая вернуться в постель.

– Надо верить в дела апостолов, – продолжал при этом старший брат, – и в Бога, и в Иисуса Христа. И в Дух Святой. А не в чертей.

– Но они же есть, – настаивал Аркаша, потирая замёрзшие плечи. – Я сам видел...

– Где это ты видел? – отозвался из-под одеяла смеющийся Гриша. – В толчке?..

Алёша пнул среднего брата, и тот повалился на его кровать.

– У нас в огороде, – пояснил Аркаша и указал на окно, за которым в лунном свете переливался заросший бурьяном сад.

Старший брат вновь с усмешкой посмотрел туда. Ветер трепал густые заросли прошлогодней травы, и в сумраке они, действительно, выглядели как чьи-то тела, которые прячутся возле дома.

– А в апостолов верить тоже надо? – спросил Гриша, наконец-то скинув с себя тяжёлое одеяло, и поправил взъерошенные светлые волосы. – Про них отец ничего не говорил...

– Апостолы, они как ангелы, – уточнил Алёша, отвернувшись от окна. – Все святые и великие.

– Ха-ха, Аркашка-какашка, веришь ли ты в апостолов? – с ухмылкой обратился Гриша к младшему брату.

– Так если они ангелы, – стал рассуждать озябший мальчик, – значит, есть и демоны рогатые. Я видел на книжках у папы, они нарисованы там...

– Молись почаще, – заключил Алексей, вернувшись в свою постель, – и тогда черти мерещиться не будут.

Очередной глухой стук по стеклу заставил вздрогнуть даже Гришу, отчего он замер с раскрытым ртом.

– Ну вы и малявки! – ухмыльнулся старший брат и хотел запустить в них подушкой, как грохот за окном повторился.

– Смотри-и-и! – прошипел Аркаша, указав рукой на стекло.

Там замелькали тени. Поначалу Алёша решил, что это опять заросли бурьяна качаются от ветра. Но шевеление было слишком очевидным – кто-то чёрный двигался вдоль дома. Мальчишки хотели вскочить со своих кроватей, однако старший брат жестом велел им остаться в постели. Сам он приблизился к окну, протёр рукавом пижамы запотевшее стекло и едва выглянул в огород, как снизу рамы возникла мохнатая башка с большими круглыми глазами.

– Бе-е-е! – проблеял незнакомец снаружи, изрядно напугав Алёшу, отчего он отшатнулся к своей кровати.

– Би-и-и! – раздалось со стороны второго окна, и оттуда на ошеломлённых братьев смотрели ещё две жуткие морды.

– А-а-а!!! – заверещал Гриша и ринулся к двери, но доски пола под ним тут же затрещали. Следом оттуда полезли тёмные когтистые лапы.

Теперь уже все трое кричали во весь голос. Раздался звон битого стекла, новый грохот, блеяние ночных посетителей и визг детей. Но когда их отец распахнул дверь комнаты, его взгляду предстали лишь последствия погрома: кровати сдвинуты, доски в полу проломлены, а окна выбиты. Только свежий апрельский ветер врывается в помещение да шелестел сухой бурьян.

Часть I. "Чёрт те что"

Глава 1. Гадина

Грязный гранёный стакан чуть не расшиб лицо Вадима и с глухим стуком отскочил от стены. Даже на полу он не разлетелся на осколки из-за мягкого линолеума. Так что мать могла после сцены истерики использовать его по любимому назначению – выпить водочки.

– Гад, вот же гадина! – повторяла она, пытаясь найти на замызганном столе другие предметы, которыми было бы не жалко запустить в ненавистного сына.

– Да успокойся ты, – в очередной раз попросил Вадим, придерживая спортивную сумку. – Так же всем будет лучше...

– Ах, лучше, вон чего! – верещала женщина и принялась колотить рукой по столешнице, отчего крошки и промасленные газеты посыпались на пол. – Ты, гадина такая, получишь сейчас в рожу свою! Я тебе мигом мозги вправлю на место!

Но Вадим знал, что она блефует. Ещё несколько лет назад у неё получилось бы справиться с ним. А теперь, когда он стал высоким и плечистым парнем, даже пощёчину ему дать вряд ли удалось бы. Мать элементарно не дотянется до его головы.

– Паскуда! – продолжила злиться женщина и побежала на кухню. – Сейчас, сейчас я выбью эту дурь из твоей башки!..

Там загремела посуда, которая неделями валялась немойтой то в раковине, то на холодильнике. Однако Вадим решил не дожидаться и переступил порог родительского дома. На улице сегодня светило солнце, пахло весенней свежестью и молодой травой. Если бы не грохот расположившейся рядом стройки, можно было бы услышать, как поют птицы.

Парень широким шагом преодолел пыльный двор, глянул на низкорослую собаку на цепи и подошёл к старенькой серебристой «Девятке». Псина заскулила, понимая, что единственный человек, который её регулярно кормил, уезжает навсегда.

Сложив в багажник объёмную сумку, Вадим посмотрел на животное, а затем на покосившийся домишко, в котором прошло его мрачное детство. Пастор церкви, в которой состоял парень, оказался прав. Этот день был наполнен радостью и чувством свободы. Он наконец-то решился последовать совету духовного наставника и уйти от родителей-алкоголиков. Если раньше этому мешал вопрос с жильём, то теперь ему любезно предложили поселиться в доме настоятеля нового храма. Последний, правда, ещё только предстояло построить. Тем более там же парень планировал и работать, и учиться. Всяко лучше, чем прозябать в окружении вечных пьянок, грязи и скандалов.

Вадим вновь уставился на собаку неопределённой породы и вспомнил тот день, когда друзья подарили ему щенка. Мать попыталась на следующее же утро продать шавку на птичьем рынке, но никому этот разноцветный пёс не приглянулся даже за бутылку.

– Я не знаю, разрешат ли мне в приходе держать тебя, – виновато сказал Вадим.

Но едва на крыльце замаячила фигура в грязно-синем халате и с кочергой в руках, он перестал сомневаться и быстро освободил пса от цепи.

– Чего??? – взревела женщина, увидев, как дворовый питомец запрыгивает в салон «Девятки». – Гадина такая, и Юрца моего забираешь!

– Это моя собака, мам, – попытался напомнить ей Вадим.

– Сейчас побыю тебе драндулет, посмотрим, далеко ли ты укажишь! – пригрозила мать, размахивая кочергой.

То, что она угрожает не впустую, парень понял сразу. Поэтому Вадим заскочил в машину, повернул ключ зажигания и рванул со двора, подняв столб пыли. Женщина закричала ему

вслед отборным матом, но её прервал кашель. Псина радостно загавкала, глядя на эту картину через заднее стекло.

– Окей, Юрец, мы сделали это! – воскликнул Вадим, вырывая на грунтовую дорогу, с одной стороны которой торчали тёмные крыши бараков, а с другой возвышались новостройки.

Город активно наступал на бывшую деревеньку. Наверняка через пару лет все деревянные строения здесь будут снесены, появятся блочные башни и новый микрорайон. Ещё в школе Вадим Плетнёв мечтательно верил, что на месте его дома построят красивый жилой комплекс, в котором его семье дадут просторную светлую квартиру с лоджией. Но теперь такая перспектива казалась наивной, ведь жителей бывшей деревни выселяли на другую окраину областной столицы. Да и сам парень уже не грезил о недвижимости, всецело увлёкшись делами духовными. Вот и сейчас он направил машину к объездной трассе, а оттуда спустился к кирпичному зданию банка, чтобы получить средства для воплощения другой мечты – постройки новой церкви.

Пёс со странной кличкой Юрец впервые наблюдал такое обилие автомобилей и людей, поэтому жался к водительскому креслу и поскуливал.

– Надо снять деньги с карточки, – обратился к нему Вадим, остановившись на широкой парковке. – Мы восстанавливаем храм, и нужны стройматериалы. Это то малое, что я могу сделать для пастора Роберта.

Юрец шмыгнул большим коричневым носом и покосился на двух девиц, которые смеялись возле чёрной иномарки. Вадим потрепал его по холке, достал из бардачка папку с документами и вышел из машины. Он определённо чувствовал себя легче. Даже дышалось теперь как-то по-особенному, в полную грудь.

– О, сынок! – раздался слева томный женский голос, и навстречу Плетнёву вышла тучная дама в розовом платье. – Ты же не откажешь пожилой женщине решить проблему с машиной?

– С машиной? – не понял парень. – Я сам недавно только за рулём и плохо разбираюсь в механике. Да и в банк мне надо карточку успеть обналичить. – Он помахал папкой с бумагами и хотел продолжить путь к крыльцу.

– Да брось, у тебя вон какие крепкие руки, – продолжила сыпать комплиментами незнакомка, перегорев ему дорогу. – Ты явно человек тяжёлого труда, как и мой покойный сынок.

– Ах, примите мои соболезнования, – тут же переполошился Вадим. – Конечно, я помогу Вам, чем сумею.

– Да свечи надо заменить, сама я под капот лезть боюсь, – принялась уточнять женщина, прихрамывая на обе ноги. – Мне говорили мальчишки у подъезда, что свечи барахлят, а я вот только утром их смогла купить. Не доехала вот до дома, заглохла. Сегодня ещё на могилку к сыну собиралась, да придётся отложить уже, наверное.

– Я думаю, Вам не нужно менять планы. Сейчас постараюсь решить Вашу проблему.

В следующие полчаса Вадим ковырялся под капотом оранжевой «Окушки» с мобильником у уха. Его бывший сокурсник из техникума – Толя Спицин – разобрался в машинах гораздо лучше, поэтому согласился проконсультировать по телефону, что да где надо сделать. Женщина же представилась Зинаидой Тимофеевной, любезно предложила поддержать папку с бумагами, даже принесла бутылочку воды из соседнего магазина. Близился полдень, и становилось душновато. Синоптики обещали к майским праздникам настоящую летнюю жару. Судя по взмокшей рубашке, Вадим не сомневался, что погода будет отличной.

– Ай, спасибо тебе огромное! – разразилась благодарностями Зинаида Тимофеевна, которая вот уже в третий раз ковыляла со стороны магазина с каким-то бубликом в руках. – Вот, держи крендель. Сказали, что свежий. Время уж обеденное скоро, хоть подкрепишься чутка.

– Да не надо, чего уж Вы, – засмутился Вадим, оттирая руки от грязи.

– Я вот в пакетик завернула, там в банке туалет есть, – пояснила женщина. – Руки можно помыть.

– А, я как раз туда и иду, – застенчиво улыбнулся парень, принимая угощение.

– Храни тебя Господь, сынок, – широко улыбалась дама, но в «Окушку» садиться не торопилась.

– Ну, можете теперь смело ехать на кладбище. Я всё заменил. Друг сказал, что вроде должна завестись машина.

– Хорошо, дорогой, спасибо ещё раз.

Они бы обменивались комплиментами долго, если б не предобеденное время. Банк грозился закрыться на перерыв через полчаса, а ещё надо было успеть снять деньги с карточки. Достав её из папки, Вадим уверенным шагом вошёл в прохладный вестибюль и двинулся к банкоматам. Однако едва он нажал все нужные комбинации кнопок, как на экране замелькала цифра 13. Плетнёв попробовал вытащить карточку и засунуть в банкомат снова. Но и во второй раз монитор показал, что на счету у него всего 13 рублей.

– Да быть такого не может! – возмущённо воскликнул парень, и на него обратила внимание шупленькая девица в белой блузочке и с бейджиком на груди.

– У Вас какие-то проблемы? – поинтересовалась она, держа в руках планшетку с бумагами. – Я могу Вам чем-нибудь помочь?

– Да вот, – недовольно ткнул он в банкомат, – у меня на карточке должно быть тридцать тысяч, а пишет почему-то 13 рублей. Не понимаю, как так?

Сотрудница банка взглянула на монитор, а затем внимательно присмотрелась к рослому посетителю.

– Возможно, Вы уже совершали операции по счёту и забыли, что баланс исчерпан? – предположила она, сдержанно улыбаясь.

– Да не совершал я никаких ваших операций! – негодуя сказал Вадим. – Я вообще карточками этими не пользуюсь. Там зарплата моя лежала, я копил полгода на церковь! Может, банкомат сломался?

– Хм, вряд ли, – пожала плечами девушка. – Недавно женщина заходила, снимала деньги, всё в порядке было. Да и если бы банкомат завис, он бы выдавал ошибку. А так ведь он пишет, что у Вас на счёте такая вот сумма.

– И чего же это получается тогда?

– Ну, может, Вы дали жене или другу Вашу карточку, и они совершили какие-нибудь платежи? – предположила девица. – По нашим правилам это запрещено, но обычно клиенты так частенько делают.

– Да некому мне давать карточку! – продолжал возмущаться Вадим, чувствуя, что от волнения его рубашка снова делается влажной. – Я сам-то пин-код свой выучить не успел, вот с собой таскаю вместе с карточкой, всё в папке, никто её не трогал...

И тут Плетнёва осенило, совсем как пророка Елену Уайт. Ведь та миловидная пожилая дама в розовом несколько раз удалялась от него в сторону банка вместе с его документами.

– По рекомендациям нашей компании не следует держать информацию о пин-коде и кодовом слове вместе с картой, – монотонно вещала сотрудница, глядя на потное лицо парня. – Поскольку велика вероятность кражи и недобросовестного использования карты другими лицами, которые имеют к ней доступ...

Но Вадим уже не слушал её, уставившись через широкие стёкла входной двери на автостоянку перед банком. Рыжая «Ока» всё ещё находилась там, и Плетнёв ринулся на улицу.

Малолитражка мирно стояла на своём прежнем месте. Вот только женщины в розовом платье поблизости нигде не было. Парень заглянул через закрытое окно внутрь салона, попытался подёргать дверные ручки, а затем обернулся. У входа в банк стояла та девушка в белой блузке с плечистым мужчиной в тёмном костюме. Видимо, это охранник. Тот жестом подозвал Вадима и с серьёзным лицом посмотрел на нерадивого клиента.

– Толстая такая бабёнка, что ль? – уточнил он у расстроенного парня. – В розовом, ага?

– Попросила свечи заменить на своей машине, – признался Плетнёв. – Дал ей подержать папку с карточкой...

– И пин-кодом, – добавила сотрудница банка укоризненным голосом.

– Ну, парень, ты даёшь, – усмехнулся охранник, мотая лысой головой. – Она здесь десять раз уже успела всё снять.

– Так пенсионерка вроде, – попытался оправдаться Вадим. – Говорила, что к сыну на кладбище едет... проведать могилу...

– Хорошо, хоть не воскресить, – сыронизировал секьюрити. – Давай иди к ментам, пиши заяву. С камер наблюдения дадим записи, морда этой пенсионерки там наверняка засветилась. Авось и отыщут.

– Да она наверняка деньги потратит до вечера, – подметила девица в белой блузке. – Сумма-то небольшая, вряд ли милиция будет напрягаться.

– Для меня это большие деньги, – парировал Плетнёв, поджимая папку к влажной рубашке. – Вот гадина! Пусть её черти жгут до скончания веков!.. Чего я теперь пастору скажу?.. Я ведь хотел стройматериалы для церкви купить...

К дому пастора Роберта Вадим подъехал в мрачном настроении. Он даже не обратил внимания, что к «Девятке» не примчались мальчишки, которые всегда встречали его с большой радостью. Правда, сегодня Плетнёв забыл взять гостинцев, да и не на что их было купить. Ведь украденные с карточки деньги – единственные его сбережения на новую жизнь. Теперь и на бензин придётся искать где-то на стороне, ведь на церковной стройке он договорился работать бесплатно.

Юрец недоверчиво стоял перед калиткой, приняхиваясь к земле. А затем он и вовсе загавкал на мужчину в сером свитере, который сидел на лавочке у дома. Выглядел тот ничуть не лучше пьяной маменьки, отметил про себя Вадим, привыкший видеть пастора в бодром расположении духа.

– Очередной солнечный день! – поприветствовал он его наигранно радостным голосом, хотя чувствовал себя при этом паршиво. – А ребятня со школы ещё не вернулась?

Наставник Роберт угрюмо посмотрел на своего помощника и мотнул головой.

– Они пропали, – как-то неуверенно промолвил мужчина и махнул дрожащей рукой.

– Чего??? – опешил Вадим и подбежал к пастору, придерживая спортивную сумку. – Когда пропали? Как?!

– Ночью, – едва сдерживая слёзы, поведал Роберт. – Прямо из своей комнаты. Вон... – он указал в сторону заросшего огорода, и парень недоумённо посмотрел туда. – Окна побили, через подвал ещё залезли...

Вадим откровенно ничего не понимал. Шутить так было не принято, тем более в столь набожной семье. Поэтому поначалу Плетнёв по инерции хотел пойти в огород и убедиться лично в погроме, устроенном неизвестными. Но он тут же осёкся и присел рядом с пастором.

– Вы вызвали милицию? – спросил парень, хотя сам обращаться к ним по поводу воровки не стал.

– Какой толк? – парировал Роберт, лихорадочно покачивая головой. – Приходили и участковый, и дознаватель, бумаги заполнили, сфотографировали и ушли. Разве они станут искать моих сыновей, не знаю...

– Но как же? Почему тогда мне не позвонили? Вы же не собираетесь ждать, учитель? Куда могли забрать ребятшек-то? Кому это вообще нужно???

– Может, тем, кому мешает постройка церкви? – предположил пастор и указал в сторону деревьев, за которыми располагались развалины бывшего православного храма.

– Но ведь это благое дело, – внёс очередной аргумент Вадим, неловко придерживая сумку. – Разве мы этим кому-то мешаем?

– Ах, друг мой, твои вопросы правильны, но наивны. В этом месте не любят наших людей. Потому нас и называют сектой.

– Адвентизм не секта, был же даже суд!.. – вновь с жаром принялся рассуждать Плетнёв, однако быстро замолчал. Не к месту сейчас говорить о таком, когда пропали дети. – Но ведь надо чего-то делать?

– Надо, – уныло отозвался Роберт, упёршись взглядом в прошлогоднюю траву, которой вокруг крыльца имелось в избытке.

Здание, выделенное семье адвентистского священника, раньше было поселковым детским садом. Однако просторные помещения представляли теперь жалкое зрелище: крыша во многих местах прохудилась, западное крыло разваливалось на глазах, а на веранду вообще заходить опасно из-за прогнившего пола. Поэтому пастор жил лишь в нескольких комнатках в дальнем конце дома, где начинался обширный сад. Туда Вадим и пробрался сквозь заросли, возмущённый от такого поведения настоятеля будущей церкви. Ну, оно и понятно, ведь у него шок. Но как же остальные члены общины? Куда они-то все разом запропастились?!

– Там кладбище, – поведал Роберт, неспешно двигаясь следом за парнем. – Я ночью с женой ходил туда... Ничего нет, только кусты и деревья.

– А эти тропы здесь были раньше? – полюбопытствовал Плетнёв, указывая на следы во влажной траве и поваленные стебли бурьяна.

– Наверное... Сюда особо никто не ходил. Мы собирались в мае заняться очисткой местности, помнишь?

Вадим взглянул на потемневшие от времени стены деревянного строения и убедился, что одно окно с краю разгромлено. Злодеи не только разбили стёкла, но и снесли раму. Правда, всё в этом доме было настолько ветхим, что прикладывать много сил и не понадобилось, чтобы что-нибудь сломать.

– Всё так быстро произошло, – продолжал пастор вспоминать события минувшей ночи. – Они закричали, а потом резко тишина. Никаких звуков вообще. Я обегал все окрестности, и ничего...

Плетнёв пригнулся к завалинке, на которой были рассыпаны влажные опилки. Он там заметил несколько вмятин, как будто от копыт. Затем парень перешёл к соседнему окну и обнаружил под ним узкий лаз в подпол. Ребёнок бы здесь точно пролез, но взрослый человек – уже вряд ли. Внутри отверстия торчал ржавый гвоздь, на котором ветер шевелил клочок бурой шерсти. Вадим снял её и попытался повнимательнее рассмотреть. Однако тут же пальцы обожгло, словно крапивой. Шерсть выпала и полетела к зарослям бурьяна, где сразу же исчезла из виду. На ладонях же парня миглом набухли волдыри.

– Братья и сёстры уже объявили поиск, – говорил пастор, уныло поглядывая на заросший сад, – волонтеров хотели собрать. Жена в городе, планировала на радио обратиться за помощью...

– А милиция-то чего сказала? – негодовал Плетнёв, чувствуя жжение в пальцах. – Может, кого уже задержали?

– Участковый вообще заявил, что, мол, дети же, сами наверняка удрали, – недовольно сообщил Роберт, ломая ближайшие стебельки высокой травы. – Говорит, мы их обидели чем или издевались даже. Представляешь?

– Нет, так нельзя! – возмутился Вадим. – Тут прямо из-под носа крадут ребятшек, а они ещё будут нам говорить такие вещи?!

– Что теперь остаётся? Мы искали, обошли пару деревень. Наши братья съездили ещё в несколько мест. Нигде никто ничего не видел. Да и разговаривать с нами местные не особо хотят.

– Дикость какая-то. Как вообще можно так, это же дети!

Пастор пожал плечами, и глаза его покраснели от новых слёз. Вадим же предаваться горю не спешил. Он забрался на завалинку и заглянул внутрь детской спальни. Из мебели там были три низенькие кровати и пара стульев. Немногочисленная одежда разбросана, постель изорвана, на полу грязь и щепки. Перед внутренней дверью, действительно, чернела дыра.

Парень осторожно залез на подоконник и забрался внутрь. Ужаленные неведомой шерстью пальцы распухли и чесались. Такого ещё с ним никогда не было. Да и на аллергию это совсем не похоже. Что за шерсть такая уникальная, подумал Плетнёв и пригнулся к разломанным доскам в полу. По краям отверстия виднелись бурые разводы, похожие на кровь, и опять едва заметные волоски. На сей раз трогать их парень не рискнул, но про себя отметил, что неплохо бы собрать эти улики в пакетик, если властям нет до этого никакого дела. Правда, шерсть была больше похожа на звериную, может, даже собачью. У людей таких тонких волос Вадим как-то не видел. Хотя с ночи здесь наверняка успели полазить какие-нибудь местные кошки...

– Ни одной не попадалось, – признался пастор в ответ на вопрос помощника, заглянув к нему в подпол, куда тот спустился. – Здесь вообще глухая местность, окраина посёлка, а дальше лес и кладбище.

– Если сюда кто и смог пролезть, то очень небольшого роста, – заключил Плетнёв, ползая по пыльному подвалу. – Я никак тут не помещаюсь, видите сами. Полы слишком низкие.

– Получается, участковый прав? – напрягся Роберт. – Что, мои сыновья сами это устроили?

– Конечно нет! Но вдруг злодею помогал ребёнок?..

В темени подвала что-то блеснуло, и Вадим попытался протянуть туда руку. Паутина и пыль защекали кожу. Было не очень-то приятно ковыряться в многолетнем мусоре, который там скопился. Но Плетнёв не считал себя брезгливым, ведь он жил всё это время с нечистоплотными алкоголиками. Правда, как бы он ни старался достать таинственный предмет, объёмные плечи в узком пространстве ему этого не позволяли. Впервые парень пожалел, что так усердно занимался спортом.

– Пастор, нет ли какой палки или грабли? – попросил он, и Роберт через пару минут принёс ржавую лопату.

Вадим, пыхтя и чихая, принялся выгребать блестящую вещицу из угла. Та оказалась довольно тяжёлой и плохо двигалась, словно цепляясь за землю острыми краями. Наконец, когда заветный предмет был ближе всего, Плетнёв просунул руку и вытащил его на свет.

Выглядела находка специфично. Поначалу парень решил, что это молоток, но у него оказалось двустороннее массивное лезвие. Верхушку покрывала металлическая дуга с шипами. Да и холодная рукоятка была с каким-то странным выющимся узором вокруг небольшого красного камня.

Выбравшись в комнату, Вадим повнимательнее рассмотрел оружие. Безусловно, его использовали ночью, чтобы проломить пол. Вариант, что вещь пролежала там с прежних времён, отпадал сам собой, ведь металлическое изделие совсем не покрылось ржавчиной и застарелой пылью. Роберт присоединился к молодому помощнику, нацепив очки с круглыми линзами.

– Пастор, посмотрите, – прошептал Плетнёв, указав на круглый символ у основания топорика. – Чего это?..

Там чётко просматривался крестик в круге. Только он был каким-то кривым, словно помятым.

– Как милиция не нашла вот это? – продолжал возмущаться Вадим, отряхиваясь от пыли. – Они вообще ничего тут толком не посмотрели. Вот чего за халатность?!

– Я уже видел такой знак, – вдруг промолвил Роберт и хотел снять нитку паутины с верхушки находки, но резко отдёргнул руку.

– Чего??? – удивился парень.

– Током бьётся, – прошептал пастор и повторять попытку не стал. – Давай-ка сходим, проверим...

Бывший детский сад располагался перед лесным массивом, за которым начинался холм. Здесь даже пролегалa дорога. Но ею никто особо не пользовался, поэтому она заросла и превратилась в тропу. Впрочем, вела она к развалинам церкви, которую и восстанавливала теперь местная община адвентистов. Правда, двигалось дело медленно, ведь только пару недель назад власти передали землю вокруг бывшего храма пресвитеру Джастину Тимшинскому. Собственно, благодаря ему Вадим познакомился с новым пастором и его семьёй и решил уйти от неблагополучных родителей.

– Учитель, этот символ как-то связан с нашей стройкой? – уточнил Плетнёв, поглядывая на встревоженного Роберта.

– Кажется, я видел его именно там, – признался пастор, уставившись на бегущего перед ними Юрца. – Не знаю, как всё это может быть связано. Что, если бывшие хозяева решили высказать таким образом свой протест...

– В смысле? – напрягся Вадим. – Похитили ребятишек, чтобы мы не строили церковь???

– Я думаю, это вполне вероятно. Местное население очень агрессивно нас воспринимает.

– Ну, это слишком уж, – не хотел верить в такую версию парень и тут же вспомнил недавнюю сцену с собственным ограблением, устроенным миловидной пенсионеркой.

Когда они взобрались на холм, открылся дивный пейзаж. Внизу чернели останки церкви, сожжённой неизвестными пару лет назад. За нею покачивались осины и ели, а ещё чуть дальше начиналась соседняя деревня.

На дороге, которая здесь была уже гораздо лучшего качества, обнаружился незнакомый пикап. Какой-то мужчина колотил киркой перед сохранившимся фундаментом храма. Вадим поначалу решил, что это кто-то из общины. Ведь он ещё не был знаком со всеми.

– Солнечного дня! – поприветствовал Плетнёв незнакомца, и тот повернулся к ним лицом. Юрец неприязненно зарычал на него.

Физиономию незнакомца покрывали шрамы. Глаза прятались за массивными очками с тёмными линзами, а на голове сидела широкая шляпа с серебристой лентой вокруг. Чёрная одежда мужчины напоминала рясу священника, только лучшего покроя и с каким-то узором, вышитым тёмными нитками. Поэтому Вадим вновь задумался, что перед ним какой-нибудь член общины.

На появление пастора и его помощника незнакомец ничего не ответил. Он лишь как-то недовольно поджал скулы.

– Мы раньше не виделись? – уточнил у него Роберт, протягивая руку.

Мужчина настороженно посмотрел на него, потом перевёл взгляд на Вадима и крепче сжал кирку. Парень же ничуть не смутился, ведь если что – у него в руках был найденный под полом топорик. Пёс продолжал недовольно рычать.

– Я неделю как назначен в этот приход, – продолжил пастор, – и ещё не знаю всех в лицо. Пресвитер Джастин говорил, что много добровольцев будут помогать нам восстанавливать церковь.

– Я что, похож на такого дебила? – отозвался наконец-то мужчина в рясе, глянув на собаку, и Юрец испуганно забежал за спину хозяина.

– О, простите, – смутился Роберт. – Я, верно, принял Вас за кого-то другого.

– Чего ты тут тогда трёшься? – решил не церемониться с ним Вадим. – Это наша территория, здесь нельзя просто так приходить и колотить камни.

– Да ну, – ухмыльнулся незнакомец. – Здесь не огорожено. – Он указал на дорогу и открытое пространство вокруг. – Никаких предупреждающих табличек. Так что место публичное.

– Вот я сообщаю сейчас, что здесь территория Заволжской Церкви праведных христиан, – твёрдым голосом произнёс Плетнёв, невзирая на то, что Роберт попытался придержать его за руку. – Это наша земля, и мы не хотим, чтобы кто-либо тут шастал.

Человек в рясе улыбнулся, отчего его лицо показалось ещё более неприятным. Сплошные царапины и застарелые шрамы покрывали практически всю его наглую физиономию. На мгновение даже показалось, будто это ожоги или следы каких-то пыток.

– Праведных христиан, – небрежно передразнил Вадима незнакомец и уставился на его необычный топор. – Святоши, значит... Ну-ну.

Он бросил кирку в кузов пикапа, мотнул головой, но отступил. Через пару минут непрощенный гость уехал, оставив за собой столб пыли, совсем как Вадим пару часов назад во дворе родительского дома. Лишь Юрец гавкал ему вслед.

– Зря ты так с ним, – подметил Роберт, сняв очки. – Со злыми людьми надо общаться добротой.

– Ага, а потом получить от него же по морде? – ухмыльнулся Вадим, но следом осёкся. – Простите, учитель. Я хотел сказать «по лицу»...

– Вон там лежала большая железяка, – проигнорировал его слова пастор, указав на обугленные головёшки в центре развалин.

Плетнёв осторожно взобрался туда, раскидал ногой почерневшие балки и кирпичи и поднял покрытую копотью круглую металлическую конструкцию. Она, действительно, по форме напоминала символ, который имелся на рукоятке найденного топорика. Правда, из-за пожара и времени железяка сильно погнулась.

– Похожа ведь? – уточнил пастор, вновь пристраивая свои неудобные окуляры на глаза.

– Но чего это может означать? – откровенно недоумевал Вадим, разглядывая очередную находку.

– Я говорил тебе как-то, что с этим местом связано много всяких страшных слухов, – напомнил Роберт, пробираясь к своему помощнику через торчащие проволоки и обгорелые балки.

– Вы о том, что здесь погибли люди? – Плетнёв осмотрел обугленный периметр и поёжился, представляя, что среди развалин может находиться пепел человеческих тел.

– Мне не дали точную информацию. Власти вообще как-то неохотно шли на контакт. Но пресвитер Джастин говорил, что это место нам отдали почти за даром, когда не состоялся аукцион по продаже земли.

– Вы думаете, что это связано с пропажей мальчишек? – напрягся Вадим, передав наставнику металлический круг с кривым крестом.

– Здесь была Церковь Равноапостольного Дмитрия Каримского, – продолжил пастор, разглядывая необычный символ. – Это православный приход, но ещё задолго до пожара он был закрыт. Мне сказали, что тоже из-за какой-то тёмной истории.

– Значит, тут давно уже не проводились службы. Кому же тогда могло не понравиться, что мы взялись на восстановление храма?

– Не знаю. Но этот вот знак...

Роберт покрутил странную конструкцию, совсем не похожую на православный атрибут.

– Учитель, это не поможет нам найти детишек, – заключил Вадим. – Ну, сами подумайте вот. Если б их похитили для того, чтобы мы оставили церковь в покое, то тогда бы уж злодеи вышли на связь... Какие-то условия бы свои обозначили...

Вдруг из-за холма раздался звук, похожий на выстрел, и оба адвентиста испуганно обернулись. Из-за деревьев повалил густой чёрный дым. Юрец испуганно прижался к земле.

– Иисус Всемиловитый, – прошептал Роберт, отбросив металлический круг.

Вадим не стал дожидаться, пока пастор взберётся на гору, и двинулся обратно к дому на максимальной скорости. Пёс бежал следом.

По мере приближения к бывшему детскому саду всё явственнее становился палёный запах. Когда же Плетнёв выбрался из леса, его пробрал шок. Серебристая «Девятка» полыхала красным огнём, лёжа на боку. То ли её перевернуло от взрыва, то ли это сделал кто-то специально. Но парень уже не мог думать. Он метался вокруг горящего автомобиля, не зная, что предпринять. Под рукой нет ни огнетушителя, ни даже ведра с водой или с песком. А машина тем временем превращалась в груды обломков.

На столб чёрного дыма сбежались люди. Несколько женщин в тёмных платках тревожно наблюдали за истерикой парня. Когда досюда добрался Роберт, началась борьба с пожаром. В конце концов, машину уже не спасти, но огонь может перекинуться на трухлявый дом, несколько дровяников и сарайчиков. Кто-то притащил землю, кто-то песок с огорода, и за полчаса огонь был потушен. На всякий случай двое мужчин в грязных телогрейках обдали уничтоженную «Девятку» огнетушителем.

Вадим лежал на траве, держась за грудь. Сердце от всего происходящего стало болезненно пульсировать в груди. Так что даже подняться ему было сложно.

Роберт кружил у собравшейся толпы зевак и пытался их как-то успокоить. Народ возмущался. Звучали реплики, что сектантам пора валить из этого посёлка. Но дальше пустых угроз ничего не происходило. А уж когда подъехал милицейский УАЗ, местные жители быстро разбегались по своим делам.

– Ох, ни хрена-се! – радостным голосом воскликнул пареньёк в серой форме, выйдя из служебной машины. – Вот это шашлычок-с...

– А мяска нету? – засмеялся его напарник в пилотке и голубой рубашке. – Второй раз уже сюда приезжаем. Что ж вам, братцам христианам, спокойно-то не живётся?

– Это вы нам, господа, объясните, – парировал пастор, которого такой тон тоже вывел из себя. – Когда уже весь этот кошмар закончится? Нас отсюда выживают, ведь так?

Стражи порядка молча переглянулись и лениво обошли «Девятку», заполненную жёлтой пеной.

– Старая тачка же, – резюмировал обладатель серой формы, – сама вспыхнула уж...

Он уставился на Вадима, который исподлобья наблюдал за происходящим. Роберт жестом попросил его не реагировать, хотя очень хотелось бы поучить представителей власти манерам.

– Так а страховка-то есть? – уточнил напарник, затапывая дымящуюся траву по периметру. – Хотя металлолом не страхуют обычно.

– Послушайте, господа, – обратился к ним пастор, у которого на лбу темнела полоска копоти, – вы же видите, что происходит что-то странное. Ночью похитили моих сыновей. Сейчас сгорела машина члена нашей общины. Ещё пара минут, и огонь перекинулся бы на дом... На нас идёт атака, а вы ничего не делаете.

– Да кому вы нужны? – усмехнулся милиционер в сером. – Тут в округе алкаши да бабки одни живут, им до ваших культов дела нет.

– Значит, кому-то всё же есть дело, – оспорил Роберт, указав на сожжённый автомобиль. – Мне придётся обратиться в прокуратуру. Я не знаю, что теперь ещё ожидать...

– Ой, ну, обращайтесь, куда хотите, – отмахнулся парнишка в пилотке. – Мы-то не боги и охранять вас тут 24 часа не можем себе позволить.

– Если община какая-то есть у вас там, – продолжил наглый мент. – Соберитесь уже все вместе, свою охрану поставьте, помолитесь там кому-нибудь.

Вадим понял, что эти двое откровенно глумятся над ними, и вскочил на ноги. В груди всё ещё покалывало, но у него бы хватило сил врезать зазнавшимся милиционерам. Тем более в руках по-прежнему блестел топорик, найденный в подвале.

– Эй, лучше даже не пытайся! – предупредил его пареньёк в голубой рубашке, указав на свой пистолет в кобуре. – Стой, где стоишь, и все останутся целы.

– Вам тогда будет лучше уйти, – подметил пастор, заступившись за импульсивного помощника. – Искать моих сыновей вы всё равно не собираетесь, я так понял. А спасти нас от огня тем более не можете...

– Не нужно вот указаний давать, хорошо? – озлобился мент в сером. – Здесь мы решаем, что да как, а не сектанты.

– Не надо нас оскорблять, – напрягся Роберт. – Мы не сектанты, а правоверные христиане. Идите с миром, господа, мы ничего от вас не просим.

Если ментам что-то и не понравилось, то обострять ситуацию они не стали. Лишь парень в пилотке погрозил Вадиму пальцем и вернулся в УАЗ. Едва они покинули двор, как пастор, схватив расстроенного ученика за руку, потащил его за собой в дом.

– Они отчасти правы, – говорил Роберт. – Если не мы сами, то никто нам не поможет. Я созвонюсь с братьями, устроим сход.

– На эту машину я копил два года, – чуть ли не плакал Плетнёв, двигаясь за святым отцом по прохладному коридору. – Зачем кому-то жечь её, не понимаю...

– Я говорил тебе, что местные будут всячески мешать нашему богоугодному делу. Теперь ты лично убедился, что мы предоставлены в этом сами себе.

В течение следующего часа стали съезжаться члены общины. Первым приехал пресвитер Джастин – пожилой мужчина с элегантной седой бородкой и в светлом костюме. Вместе с ним были двое молодчиков, которых он представил как племянников. Олег со Стасом тут же отправились изучать обстановку в спальне пропавших детей.

Затем подъехали четверо женщин, одну из которых Вадим видел в городской церкви адвентистов. Она тогда дала ему много книг и обещала помочь в изучении основ веры. Через полчаса на пороге бывшего детского сада показалась семья Власевых из шести человек во главе с высоким подтянутым мужчиной – Никитой Денисовичем. И от такого количества единоверцев на душе у Плетнёва потеплело. Хотя, может, на это подействовала дочь Власевых – Кристина. Девушка понравилась ему с первого же взгляда, когда он увидел её на субботней службе пару недель назад. В длиннополрой юбке, сиреневой блузке и с рыжей косой она выглядела прелестно. Разве что была старше Вадима лет на пять, но на вид казалась даже младше.

– Как ты, брат? – обратилась она сразу же к нему, погладив по плечу. – Держишься?

– Не могу быть спокоен, пока не найдём ребятишек, – признался Плетнёв, невольно наслаждаясь линией её губ.

– Да, мы с сёстрами с утра обошли деревню, – поведала Кристина, глядя ему прямо в голубые глаза. – Развесили фотографии. Отец даже назначил награду за сведения, но никто ещё не позвонил.

Она показала навороченный мобильник, о котором Вадим мог лишь мечтать. Его простецкий телефон мамаша пропила месяц назад, так что парень был сейчас вообще без связи. Да и кому он позвонит без денег.

– Твои вещи тоже сгорели? – участливо спросила Кристина. – У моего брата осталась кое-какая одежда, мы могли бы подобрать тебе что-нибудь.

– Нет, не нужно, сумку с вещами я как-то умудрился по приезду сюда перенести в дом, – облегчённо выдохнул Плетнёв, и к ним присоединился рыжий бородатый парень.

Это был Кристиан, младший брат Власевой. Он крепко пожал ладонь Вадима и тут же потащил его в сторонку под недоумённым взглядом Кристины. Впрочем, следовать за ними она не стала.

– Отец говорит, нельзя медлить, – прошептал молоденький бородач, недоверчиво поглядывая по сторонам. – Пусть старшие сидят и болтают, а нам бы заняться делом надо.

– Согласен, – кивнул Вадим, поправляя на себе рубашку. – Чего ты предлагаешь, брат?

– Проехаться по местной алкашне, – озвучил Кристиан самую верную идею. – Я уверен, что кто-то из них в курсе, что здесь творится.

– Да уж...

– Только ни отцу, ни пастору, ни пресвитеру ни слова, окей?

Собирающимся в доме Роберта членам общины они сказали, что хотят съездить за водой. Колодца поблизости с бывшим детским садом не было, а водопровод давно не работал. Взяв для убедительности несколько объёмных пластиковых бутылей, парни сели во Власьевскую «Газель» с эмблемой церкви на отодвигающейся двери. Кристина вместе с Юрцом предпочла остаться на крыльце, сжимая в руках сотовый телефон. Вадим махнул ей рукой и пристегнул ремень безопасности.

– Сумасшедший день, – поделился он впечатлениями. – У меня ещё деньги украли одна грешница...

– Как это? – удивился Кристиан, вырывая со двора пастора на дорогу. – Ты же хотел купить кирпичей и досок.

– Да, но мошенница воспользовалась моей добротой, – признался Плетнёв в собственной нерасторопности. – Сняла с карточки все деньги, так что теперь я вообще на мели...

– Ладно, не надо унывать из-за материальных потерь, – философски подметил Власьев, крутя руль. – С этим разберёшься потом. Надо детей Роберта вернуть. Те, кто их похитил, должны пожалеть об этом. И мы с тобой им в этом поможем.

Вадим не очень хорошо знал Кристиана, хотя и видел его почаще Кристины. В городской Церкви Христианской Надежды они встречались каждую субботу, правда, общались редко. Но Плетнёв успел заметить, что у молодого человека свои взгляды на веру и на то, что нужно делать. Может, на фоне общей организации это казалось бунтарством. Однако в сложившейся обстановке и он сам был согласен с мнением Власьева-младшего. Ждать, пока ребятню найдёт милиция, бессмысленно. Местные власти вели себя крайне дерзко и явно не собирались утруждаться поиском пропавших детей. Да и таинственные похитители не выходили на связь, а ведь день уже близился к концу.

– Есть здесь один персонаж – Агрыга, – поведал Кристиан, направив микроавтобус к сельсовету. – Приходил пару раз стащить дрова у пастора Роберта. Он точно уж знает что-нибудь.

Напротив кирпичного здания местной администрации располагался деревянный теремок продуктового магазина. Возле него всегда кучковались местные алкоголики. Вот и сегодня в ожидании вечернего грузовика из города здесь собралась тусовка из трёх пропитых мужиков и одной женщины с опухшим лицом. На появление «Газели» они отреагировали оживлённо, замахали руками, что-то радостно заговорили.

– Агрыга, иди сюда! – скомандовал Кристиан, и щупленький небритый мужичонка в телогрейке нехотя подошёл к нему. – Разговор есть.

– Эй, ты не трожь его, сектант грёбаный, – завопил один из друзей алкоголика.

Но Вадиму достаточно было строго посмотреть на бродяг, и те мигом затихли.

– Да я чего, я ничего, – принялся оправдываться Агрыга, от которого пахло мочой.

– Слышал, что у нашего пастора пропали дети? – спросил Власьев, отведя алкоголика в сторонку.

– Н-нет, – замотал засаленной головой мужчина и испуганно уставился на Плетнёва. – Мы даже туда не съёмся, как ты и сказал уж...

– Ты знаешь, что лгать – это грех? – напомнил ему Вадим, почесав взмокшую голову. От вида сельского бомжа ему показалось, что вши и блохи вот-вот окажутся в его русых волосах.

– Да чего это?! – возмутился Агрыга, нервно потирая грязный подбородок. – Вона пусть мусора разбираются. Я-то чего?

– Расскажешь, что знаешь, и тогда милостивый Христос отблагодарит тебя, – улыбнулся Кристиан, потеряв нагрудный карман своего пиджачка.

Забулдыга оживился, явно поняв намёк, и почесал затылок.

– Ну это, – прохрипел он, причмокивая обветренными губами, – говорили тут бабы днём, что деток прихлопнули...

– В смысле? – недовольно нахмурился Плетнёв. – Кто?!

– Так это, ваши вроде, – пожал плечами Агрыга и на всякий случай отстранился на полметра от парней.

– Типа мы своих же деток прибили, что ли? – уточнил Кристиан, грозно уставившись на алкоголика.

– Ну, это, да... как бы, – неуверенно промямлил тот.

– А ещё что слышал?

– Так всё как бы...

За неоригинальные слухи давать пьянчуге денег никто не стал. Впрочем, Власьев и не собирался делиться наличностью с местными алконавтами. Поэтому они последовали за ним в помещение магазина, где скучала за отгадыванием кроссворда тучная женщина в мятом сарафане.

– Хлеба ещё не подвезли, – сразу же сообщила продавщица, стараясь не смотреть на двух высоких парней.

– Водички у Вас куплю, – мягким голосом ответил Кристиан и бросил на прилавок несколько монет. – Вон там с Казанью и Торжком на обороте...

– Ой, спасибо! – вдруг пришла в восторг торговка, тут же пристально изучая металлические деньги. – То-то сынишка обрадуется, у него таких ещё нету.

Она перевела взгляд на копошащихся возле витрин алкоголиков.

– А ну сгинули отсюда! – грозным голосом крикнула тётка, и те, как ни странно, выбежали на улицу. – Чё там у вас стряслось-то? – следом полюбопытствовала продавщица.

– Вот как раз по этому поводу пришёл разведать обстановку, – признался Власьев, который, судя по всему, давно знал эту женщину.

– Ментяшки с утра тёрлись тут, тоже опрашивали так *между делом*, – поведала она, доставая из холодильника стеклянную бутылочку воды. – Сказали всем, что, мол, сынишки у священника ночью пропали.

– И больше ничего не сказали?

– Ну, так уж, рассуждали как бы вслух... – замялась продавщица, опустив взгляд.

– У меня есть ещё монетка с Тобольском, – опомнился Вадим, вытащив из кармана чёрных джинсов последнюю мелочь.

– Ой, такой у нас тоже нету, – оживилась женщина, заинтересованно уставившись на русоволосого парня, и перевела взгляд на рукоять топорика, торчавшую из-за его ремня. – Красивая вещица. Дорогая, наверно?..

– Так о чём рассуждали-то? – вмешался Кристиан, взяв купленную бутылку из рук впечатлительной торговки.

– Вашим не понравится такое, – подметила она, выдержав неловкую паузу. – Ну, и деревенские тоже считают примерно так же...

– Что это мы с детьми что-то сделали? – с мрачной улыбкой озвучил Власьев «народную» версию.

– Как бы да. И что шумиху сейчас поднимаете, чтоб внимание отвлечь.

– Ну, иного я и не ожидал, – вздохнул Кристиан, махнул на прощание продавщице рукой и повёл Плетнёва на выход.

– Эй, а монетка?! – потребовала женщина, и Вадим запустил награду в направлении прилавка. Та шлёпнулась на пол, и тучная торговка принялась искать, куда.

Перед магазином бродили всё те же алкоголики во главе с опухшей бабёнкой.

– И чё, пузыря не взяли? – небрежно поинтересовалась она у парней, но те её проигнорировали.

– Дай-ка взглянуть, – попросил Кристиан топорик, и с ним случилась та же неприятность, что и с Робертом. Он удивлённо отдёргнул руку, тряся пальцы, словно они разом онемели.

– Чёрт, какая холодная! – выругался бородач. – Как ты это держишь???

– Да нормально, – удивился Плетнёв, повнимательнее осмотрев находку. Странно, его ни током не дёргало, ни холодом.

– И что, это просто валялось под полом?

– Ну да, сверкнуло, я и заметил...

– Ладно, давай лучше заедем на кладбище то старое, – предложил Власьев, забираясь в «Газель». – Пастор сказал, что сад выходит к лесу, за которым кладбище. Может, там что-нибудь найдём.

Собственно, других вариантов и не оставалось. Если даже «сельский информационный центр» говорил о сектантстве и каких-то ритуальных изуверствах адвентистов, то искать истину среди местных жителей уже не имело смысла.

– Я не знал, что наших братьев настолько не любят, – признался Вадим, наблюдая за дорогой.

– Это ещё по-божески, – усмехнулся Кристиан, крутя руль. – В городе перед церковью устраивают митинги, забрасывают яйцами, помидорами. На стенах снаружи частенько рисуют похабщину. Ну, и избивают иногда тех, кто послабее.

– Но за что? – удивлялся Плетнёв. – Чего мы такого сделали?

– Отнимаем прихожан у православных, – засмеялся водитель, выезжая на просёлочную дорогу. – Или у кого другого. Но иеговистов местные не любят ещё больше: арестовывают, разгоняют... Так что нам, можно сказать, повезло.

– И из-за этого чего, кто-то пойдёт даже на похищение детей?..

– Ну, вполне возможно. Пастор не из местных, недавно переехал, собрался на месте православной святыни строить адвентистский храм. Если деревенским всё равно, то обязательно какие-нибудь радикалы из города попытаются подпортить этот наш замысел. Может, даже сатанисты.

– Я слышал, они пару лет назад активно бегали по городу.

– Да и сейчас, в принципе, бегают, – парировал Власьев, сворачивая к болотцу, где дорога была совсем уже разбитая. – Ты не читал, что ли, как они разнесли Черноозёрское кладбище в самом центре города?

– А, осенью, – кивнул Плетнёв и жестом спросил разрешения глотнуть воды из купленной в сельпо бутылки.

– На нас им вообще милое дело охотиться, – продолжал Кристиан, огибая заросший водоём, за которым светлели надгробные памятники. – Мы же христиане, причём гораздо жёстче чтим Святое Писание и живём праведно. Да и власти вмешиваться, если что, не станут. Убивай да похищай – полное раздолье.

– Ну, да, – нехотя согласился Вадим и, дотронувшись до холодной бутылки, почувствовал жжение в пальцах. – Кстати, я нашёл в подвале не только эту штуковину, но и шерсть.

– Шерсть?.. Какую ещё шерсть?

– Не знаю, но она колется сильно, вот пальцы до сих пор зудят.

Власьев остановил «Газель» аккуратно перед каменным забором кладбища, поросшим крапивой, и взглянул на руку товарища.

– Она была на гвоздике в дырке со стороны огорода, – пояснил Плетнёв, – и на досках в полу. Думаю, её оставили похитители. Причём пролезть там можно только ребёнку, слишком уж мало пространства.

– Какая-то собаченция бегала у дома пастора, – припомнил Кристиан, выходя из кабины. – Пошарила уж там вдоволь, шерсть везде пооставляла.

– Нет, это мой Юрец, я привёз его только после обеда вот...

– Ну, другая, значит, псина успела наследить. Ты лучше в дом животных не заноси, у нас это не положено.

– Да, я помню.

Они подошли к воротам, которые наглухо поросли зеленью и поганками. Кладбище на самом деле было старым и давно никем не посещалось. Решётки проржавели, равно как и проволоки, которыми их обтянули, чтобы никто не смог просто так проникнуть на погост. Вадим попытался сдвинуть створки, но те сидели прочно, словно зацементированные.

– Не трогай там ничего, – предупредил Власьев, изучая длинную стену. – Если местные узнают, что мы и тут похозяйничали, то нас точно тогда четвертуют.

– Так кладбище же заброшенное, – оправдался Плетнёв. – Мало ли, вдруг у меня там бабушка похоронена.

– Если только твоя бабка умерла до войны, – ухмыльнулся Кристиан, пытаясь найти лазейку, через которую сюда наверняка наведывалась местная ребятня. – Здесь не хоронят с сороковых годов уже... Если не раньше. Действующее кладбище на другом конце посёлка, там же часовня у православных.

– Стало быть, это место принадлежало той сгоревшей церкви? – уточнил Вадим, пиная сухие шишки, которых в округе валялось довольно много.

– Ну, да. И сатанисты сюда одно время любили наведаться.

Вдруг Власьев исчез из виду, стоило Плетнёву лишь на секунду отвернуться.

– Давай сюда, здесь тропинка, – позвал он его из-за каменной кладки, и Вадим увидел разрушенные кирпичи чуть левее от себя.

Действительно, пройти здесь можно было весьма спокойно и с любым ростом. Правда, бывший детский сад располагался на противоположной стороне. Туда-то они и направились.

На территории кладбища было тихо и сумрачно. Высокие деревья, хоть и без листьев, настолько плотно сцепились наверху ветками, что солнечный свет сюда практически не пробивался. Да и дело шло к вечеру. Поэтому нужно ускориться, чтобы потом не плутать в темноте по захоронениям.

Многие могилы провалились. Сверху их засыпало сухой листвой, сучьями, сосновыми иглами и прочим лесным мусором. Памятники покрылись зелёным мхом. В воздухе пахло болотом, что не удивительно, ведь совсем рядом располагался водоём. Странно, что талые воды не затопили это место полностью. Пройдя вглубь, Вадим даже обнаружил кое-где ещё не растаявший снег.

– А тебе откуда известно о сатанистах? – поинтересовался он у Власьева, который изучал центральную аллею, заросшую крапивой и борщевиком.

– Оттуда же, откуда все узнают, – парировал Кристиан, попытавшись протиснуться сквозь заросли, но отступил. – Из газет... Эту церковь, которую нам отдали, тоже они сожгли.

– Сатанисты??? – удивился парень, остановившись перед металлическим памятником, по которому тянулись кверху ветви кустарника. – Значит, учитель Роберт прав в своих опасениях?

– Как бы то ни было, здесь ночью никто не шастал, – заключил Власьев, присев на корточки и внимательно изучив жухлую траву. – Мы единственные сюда забрались. Будешь?

Он предложил ему бутылку с остатками воды, и Плетнёв с радостью сделал пару глотков.

– Да и на месте похитителей я бы не стал сюда соваться в темноте, – продолжил рассуждать Кристиан, двинувшись дальше по другой аллее. – Тем более с тремя детьми. Что тут делать? Прятаться? Проще в лесу уж переждать. Или вообще дойти до машины и свалить.

– А там есть дорога? – вопрошал Вадим, поставив пустую бутылку на остатки могильного памятника.

– Вот хочу проверить. С Божьей помощью...

Двигались они долго. Постепенно становилось темнее, и Вадим стал спотыкаться и цепляться одеждой за кривые ветки. Кладбище оказалось огромным. Даже странно, что столько

людей здесь было похоронено на фоне сравнительно небольшого посёлка. Хотя он, может, уменьшился за все эти десятилетия. Или сюда привозили покойников из соседних поселений? Тем не менее многие могилы выглядели богато по меркам тех времён. Сделать памятник из камня или даже притащить целую плиту – вряд ли было дешёвым удовольствием для родственников покойника. Это казалось особенно странным, ведь теперь сюда совсем никто не приходил.

– Бутылка-то где? – поинтересовался Кристиан, когда Плетнёв нагнал его у прогнившего деревянного забора.

– Я не стал уж её таскать, – растерялся Вадим, указав неопределённо назад. – А чего?

– Вот если менты найдут тару с твоими пальчиками, будет не очень хорошо, – подметил бородач, подсвечивая забор фонариком от сотового телефона.

– А почему они должны сюда пойти?

– Потому что я нашёл вот это, – недовольно сказал Власьев и опустил руку с мобильником пониже.

Там на могильном камне темнела кровь, а рядом на торчащих из земли спицах ржавой ограды светлел лоскуток.

– Похожа на пижаму, – констатировал Плетнёв и хотел снять кусочек ткани, но Кристиан перехватил его руку.

– Пусть висит, – прошептал бородач и посветил вперёд, где в заборе просматривалось отверстие. – Если удастся убедить ментов, они сюда ещё придут. Пусть сами собирают улики.

– Но им же это не нужно...

– Нас и так подозревают, не будем давать им лишний повод.

Парни выбрались к основному ограждению кладбища, за которым темнел лес. За ним находился огород пастора. То, что злодеи прибежали оттуда, не было никаких сомнений. Но вот куда они двинулись дальше – большой вопрос.

– Я не вижу никаких следов, – пробурчал Власьев, пригнувшись к земле.

– Ну конечно, вон вода проступает. – Вадим надавил ногой на траву, и там запузырилась грязь. – Здесь болото уж, какие следы тут найдёшь теперь.

– Темнеет быстро, – пожаловался Кристиан. – Если кровь есть на булыжнике, значит, и в других местах её можно отыскать, куда мальчишек тащили.

– Можно взять фонарь у Роберта...

– Да какой фонарь ещё, ничего ты ночью не увидишь. Надо утром сюда вернуться и всё повнимательнее осмотреть. И желательно с ментами.

– Ты прав.

– Ладно, я схожу за машиной, а то и её сожгут психи, пока мы тут лазаем. А ты иди к пастору, ему самому ничего не говори. Я сам отцу сообщу о наших находках.

На всякий случай Власьев сфотографировал на мобильник кусочек пижамы и направился в обратную сторону.

– Может, я с тобой? – предложил Плетнёв, но его напарник отмахнулся и скрылся в кладбищенской темени.

От деревянного забора до дома Роберта было минут десять ходьбы. Тропинка здесь пролежала широкая, а почва казалась прочной, будто протоптанной. Неужели ею кто-то часто пользовался? Что, если злоумышленники следили за бывшим детским садом перед тем, как напасть? В голове роились новые подозрения, но поделиться ими Вадиму было не с кем. Он добрался до зарослей бурьяна и хотел уже протиснуться между колючими стеблями, как со стороны здания донеслись мужские голоса.

– Вот там прямо и нашли? – поинтересовался густой бас.

– Совершенно верно, под полом, – ответил пастор.

– Почему же тогда наш дознаватель ничего не обнаружил? – грозно вопрошал неизвестный. Судя по всему, это был какой-то представитель власти.

– Значит, так смотрели, – парировал недовольный голос Власьева-старшего. – Никто мальцов не ищет, кроме нас. Никому ничего не нужно. Это же бардак!..

– Бардак у вас в общине здесь, – воскликнул бас, и Вадим решил поскорее пробраться к дому, чтобы сообщить новому стражу порядка о находках на кладбище. – Плетнёв этот куда вот делся? Сбежал?

Парень замер в бурьяне, не понимая, почему этому человеку вдруг понадобился именно он.

– Вы в курсе, что его уже судили за похищение? – продолжил незнакомец, и Никита Денисович с Робертом не нашли, что ответить на такое заявление. – А? И что он с судимостью у вас здесь лазает зачем-то?.. Нет, это вы не потрудились выяснить?

– Вы что хотите сказать, что подозреваете Вадю? – ошеломлённым голосом уточнил пастор.

– Ха, его уже не подозревают, ему обвинение предъявить собираются! Где он сейчас вот? Испарился?

Плетнёв угрюмо стоял в зарослях, раздумывая, как ему лучше поступить. То, что судимость у него имелась, он, конечно, не сообщал адвентистам. Да они и не спрашивали. Но думать, что это он повинен в исчезновении сыновей пастора, было просто возмутительно!

– Обыщите здесь всё, – приказал бас, видимо, своим подручным, с которыми прибыл в дом Роберта. – На уши мне всё село поставьте. Этот Плетнёв не мог далеко скрыться. И «Газель» вон тоже в розыск объявите. Вдруг он угнал её, чтобы сбежать...

Теперь Вадиму меньше всего хотелось выходить из укрытия. И хотя он понимал, что это не совсем правильно и что надо поскорее разобраться в этом недоразумении, ноги повели его обратно к кладбищу.

Парень шёл и всё размышлял, как же ему поступить. С одной стороны, у следствия явно нет никаких доказательств его причастности. Более того, у него же имелось алиби, ведь он всю прошлую ночь провёл дома. С другой стороны, это алиби могли подтвердить только пьяницы-родители. Да и местные правоохранительные органы работали весьма топорно по таким вопросам. Уж кому, как не Вадиму, это было знать на собственной шкуре. И чем дальше он удалялся от дома пастора, тем увереннее себя чувствовал.

Небо над головой тем временем стремительно темнело. Вдобавок с севера наступали чёрные тучи, предвещая ночной дождь. Поэтому следовало поскорее придумать план отступления. Жаль, ни мобильного, ни денег у Плетнёва нет, а сумка с немногочисленными вещами осталась дома у пастора. Лишь топорик, который он продолжал сжимать в руке с момента его находки.

Во всяком случае, находиться вблизи бывшего детского сада никак было нельзя, и Вадим решил вернуться на кладбище. Может, даже удастся догнать Власьева-младшего. Хотя тот уж наверняка был в своей «Газели» и собирался ехать за родителями и сёстрами. Конечно, стоит попытаться найти другой путь. Но с левой стороны кладбища подпирало непролазное болото, а справа плотная стена из зарослей крапивы и чертополоха. Так что иного выбора не было – пришлось лезть на погост через дыру в заборе.

В вечерней темноте здесь было по-особенному жутко. Тишина сменилась какими-то шорохами и треском. Тропинку практически не видно, поэтому Плетнёв то и дело натёкался на острые ограды и поросшие мхом каменные надгробия. У Кристиана хотя бы имелся фонарик на сотовом телефоне, а Вадим с топориком двигался фактически на ощупь. Поэтому когда он споткнулся и повалился на мраморный крест, это не вызвало особых удивлений. А вот приглушённый пиликающий звук откуда-то из недр кладбища заставил парня насторожиться.

Кажется, это была мелодия какой-то популярной песни. Но откуда она в тёмное время на заброшенном погосте?

Вадим двинулся на звук, который не прекращался. В голову закрались смутные подозрения. Когда же из мглы засиял мелкий огонёк, он окончательно убедился, что это мобильник.

Пробраться к нему оказалось не просто. Телефон наигрывал у подножия очередного памятника, окружённого металлической оградой. Несколько раз зацепив джинсы за острые края, Плетнёв протянул руку и поднял дребезжащий аппарат. Несомненно, это был мобильный Кристиана. Но самого хозяина поблизости не обнаружилось. Когда Вадим заглушил звук звонка, он почувствовал, что клавиши телефона липкие. В сумеречном свете экранчика показалось, будто это кровь.

– Крис! – выкрикнул парень, обходя могилу, у которой нашёл мобильник. – Крис, отзовись!

Плетнёва охватила паника. Что же это такое происходит??? Сначала менты объявляют его в розыск, а теперь ещё и Власьев угодил в какую-то переделку?! «Ведь говорил же ему не идти одному», – увещевал Вадим, метая взгляд во все стороны в надежде отыскать товарища. И так продолжалось бы долго, если б со стороны каменной стены не донеслись звуки машин.

– Крис?.. – прошептал Плетнёв и ринулся к выходу.

Может, злодеи, напавшие на Власьева, в этот самый момент грузили его в свой автомобиль? Нужно было догнать их и попытаться как-то остановить.

Заметив впереди огни деревенских домов, Вадим прибавил ходу и выпрыгнул сквозь обрушенный участок ограждения прямо к чьей-то тёмной иномарке.

– А ну, руки поднял! – воскликнул знакомый голос милиционера, с которым удалось познакомиться днём возле сгоревшей машины. – Я не шучу, ногу тебе отстрелю, гадина!..

Вадим нехотя выполнил приказ, и к нему подбежал парнишка в серой пилотке. Беглеца уложили на землю, заломили руки и ноги.

– Отлично, мужики, – раздался бас, который Вадим слышал около часа назад в огороде пастора, заросшем бурьяном. – Гражданин Плетнёв, Вы задержаны по обвинению в похищении троих братьев Камаловых!..

Глава 2. Адвентисты-сатанисты

Молодой адвокат Артём Хомунин привык браться за обречённые случаи. Поэтому проигранных дел у него было много. Но парень не отчаивался, ведь за свои услуги он брал сто-процентную предоплату и не давал никаких обещаний. Так получилось и сегодня, когда на пороге его крохотного кабинета возникла высокая фигура в чёрной рясе и шляпе. Поначалу Артём решил, что к нему пожаловал священник из какой-нибудь баптистской церкви. Ведь даже лицо клиента казалось тёмным и отнюдь не из-за весеннего загара. Вдобавок оно было сплошь в царапинах и шрамах. На глазах очки с чёрными непроницаемыми линзами. В общем, классический кадр из американского вестерна. Но в процессе беседы выяснилось, что никакой он не священнослужитель, хотя и пришёл нанять адвоката для адвентиста.

– А, так это ж тот, что детей похитил! – воскликнул Хомунин, вспомнив громкий случай последних дней, о котором трубили все СМИ. – И убил кого-то там ещё... Да-да, знаком я с этим делом.

– Делами, – поправил его клиент молодежавым голосом, будто ему лет 18-20. – Там целый букет обвинений, и их надо как можно скорее снять.

– Ну, не знаю, – загудел Артём, сидя в своём дешёвеньком кресле из дерматина. – Вы же понимаете, уважаемый, что никаких гарантий здесь я дать не могу. Наша судебно-следственная система весьма непредсказуема, и обещать что-либо...

– Вы нужны исключительно для бумажной волокиты, – огорошил его незнакомец и извлёк из кармана рясы несколько тугих пачек денег. – Основное я беру на себя, Вам надо лишь присутствовать и подписывать документы.

– Ну-у-у, – задумался Хомунин, уставившись на зелёные купюры голодным взглядом. – Как-то это... странновато.

– Понимаю, поэтому я пришёл именно к Вам, – подчеркнул мужчина таким голосом, от которого адвокат теперь чувствовал себя немного не в своей тарелке. – Выступать защитником по этому делу я напрямую не могу, но знаю, как решить вопрос с освобождением.

– Простите, но зачем Вам этот адвентист? Он Ваш родственник? Или друг?

– Это неважно. Я плачу за услуги по его защите, поэтому Ваша задача их просто оказывать.

– И как мне тогда Вас называть? – уточнил парень, на всякий случай пересчитав побыстрому деньги.

– Ламбрант, – представился клиент необычным именем.

– Как-как? Ламбрант? Или Лангрант?..

Но поток уточнений прекратился, стоило мужчине со шрамами склонить голову набок. Выглядел он как-то инфернально, словно зомби, умеющий членораздельно говорить.

– Ламбрант Павлов, – медленно повторил посетитель.

– Ваши родители явно были оригиналами, – подметил Артём, спрятав пачки с купюрами в стол. – И что же мне тогда надо делать?

– Для начала добиться встречи с Вадимом Плетнёвым, – всё тем же мерным холодным тоном произнёс Ламбрант. – И я пойду туда с Вами в качестве помощника.

Если Хомунин чего-то и не понимал, то задавать много вопросов чудаковатому клиенту не решился. В конце концов, у людей могут быть свои маленькие странности. Поэтому он тут же созвонился со следователем и уточнил, кто назначен Плетнёву в качестве государственного защитника. Выяснилось, что это господин Карпатов, который был давним знакомым Артёма. Несколько звонков убедили бесплатного адвоката, что бесперспективным клиентом нужно «поделиться» с коллегой. И уже через час он в сопровождении Ламбранта вошёл в здание пригородного СИЗО №11.

Как ни странно, никто из персонала изолятора не возмутился внешним видом «помощника» адвоката. Даже одежду его проверять не стали, пропустив в комнату для свиданий. Артём же листал на планшетном компьютере наспех сфотографированные материалы уголовного дела. Благо, их пока было немного, и Карпатов любезно скинул файлы по электронной почте.

– Вот этот старинный предмет выглядит дорого, – поделился своими впечатлениями Хомунин, показав Павлову фотографию серебристого топорика с ободком между лезвиями и красным камешком на рукоятке.

– Он из коллекции «Аденбарум», – флегматично ответил Ламбрант, даже не взглянув толком на экран планшета. – Вы правы, вещь не из дешёвых, но не старинная.

– Да Вы, я смотрю, очень даже в теме, – обрадовался адвокат, несмотря на довольно мрачную обстановку следственного изолятора. – И что за коллекция? Её тоже стибрил мой новый подзащитный?

– Сильно сомневаюсь, – отозвался Павлов всё тем же неэмоциональным голосом, и дверь комнаты резкопахнулась.

Плетнёв выглядел помятым. Под левым глазом темнел синяк, русые волосы взъерошены, одежда в пыли и явно казённая. Видимо, с ночи задержания никто из родных его ещё не посетил. Впрочем, Ламбрант знал, что родителям-алкоголикам нет дела до такого сына, о котором теперь в областной столице судачили все.

– Но это же не мой адвокат, – попытался возмутиться Вадим, от которого пахло потом и краской.

– Я Ваш новый защитник, – представился Хомунин, вручив ему свою визитку и пару листов с текстом, после чего жестом пригласил сесть на деревянную скамью. – Вот, подпишите, и мы можем начать...

Однако Плетнёв удивлённо уставился на Ламбранта. Видимо, они были знакомы, подумал Артём и про себя же отметил, как опрометчиво он сегодня поступил. Вдруг сейчас этот Павлов достанет из-под своей рясы какое-нибудь оружие и прикончит подследственного! Что вот тогда делать? Но, обменявшись настороженными взглядами, Вадим присел и недоверчиво посмотрел на адвоката.

– Похищение малолетних и убийство с особой жестокостью, – Артём принялся называть пункты обвинения, читая с планшета.

– Никого я не трогал, меня пытаются заставить взять чужой грех, – огрызнулся Плетнёв и повнимательнее присмотрелся к Ламбранту. – Это же ты был в тот день у церкви, да?

– У развалин церкви, – поправил его Павлов.

– Надо бы обсудить стратегию защиты и... – заговорил Хомунин привычную речь, но Ламбрант прервал его, подняв указательный палец, спрятанный в перчатке.

– Чужие грехи – это вполне по-христиански, – сказал он уже Плетнёву, поправив свою широкую шляпу. – И только я могу тебе помочь от них избавиться.

Артём теперь совсем ничего не понимал. Кто же такой этот его загадочный клиент в рясе? Может, всё же какой-то священник из числа религиозных сект?..

– Я не буду признавать вину, – заявил Вадим, которого присутствие этого человека с ошарпанным лицом тоже изрядно напрягало. – Я ничего не делал. Наоборот, хотел помочь.

– А труп Вашего друга, Кристиана Власьева, нашли, я так понимаю, на том же кладбище? – вновь принялся Хомунин прояснять обстоятельства дела. – За домом Камаловых, так?

– Я не знаю, где его нашли, – озлобился Плетнёв, потирая синяк под глазом. – Мне ничего не показали и не рассказали. Это следователь должна знать, девушка такая, Юлией зовут.

– Ну, я вот смотрю сейчас протокол осмотра места происшествия, – продолжил Артём, листая на планшете фотографии дела. – Судя по карте, это кладбище за домом Камаловых.

И уже вот из протокола Вашего допроса, как я понял, именно там Вы с убитым решили поискать пропавших детей.

– Ну, да, искали...

– Ага, и его зарубили как раз похожим топором с нешироким лезвием, а тело положили в могильный грот... Так, отпечатки пальцев Ваши обнаружены на теле, м-да.

Хомунин пытался на ходу знакомиться с уликами и делать какие-то умозаключения.

– Вы закончили? – небрежно поинтересовался Ламбрант, на сей раз повернувшись к адвокату всем телом.

Артём тут же почувствовал, как сердце сжалось у него в груди, и начал кашлять. Планшетник едва не выпал из рук. Он отстранился к зарешётчатому окну, схватившись за горло, и принялся успокаивать дыхание. Вадим недоверчиво посмотрел на эту сцену и вновь уставился на человека со шрамами.

– Кто ты такой? – спросил Плетнёв, решительно не понимая, что делает здесь этот незнакомец.

– Скажем так, я сочувствующий, – улыбнулся Павлов, уже не обращая внимания на кашляющего Хомунина, – и провожу одно небольшое исследование...

– Но ведь ты же не из общины, да? – не унимался Вадим, указав на него визиткой адвоката. – Зачем тебе заниматься моим делом?

– Если я скажу, что мне нужны твои показания против церкви адвентистов, ты согласишься? – ухмыльнулся Ламбрант и вытащил из открытого портфеля Артёма чистый лист бумаги.

– Какие ещё показания???

– Об этом поговорим позже. Сейчас тебе надо знать, что ты уже не состоишь в адвентистском движении. А мне такие люди, отлучённые от церкви *чистых христиан*, крайне необходимы.

– Как это не состою?! Я планирую вернуться в приход, изучать веру!..

– О, об этом придётся забыть, – твёрдым голосом заявил Павлов, рисуя что-то на бумаге. – Во-первых, тебя оттуда уже изгнали на вчерашнем экстренном сходе. Во-вторых, небезопасно будет появляться среди родственников и друзей убитого Власьева. Я уж не говорю про детишек.

– Но я же никого не убивал и не похищал! – возмутился Вадим. – Клянусь своей жизнью!..

– А вот этого делать не стоит. Мы ведь не на исповеди.

Ламбрант протянул ему лист с начерченным кривым крестом в круге и постучал по нему авторучкой.

– Завтра на суде скажешь, что это сатанинский знак, – сопровождал он свой жест. – Что тебе лично неоднократно поступали угрозы от приверженцев Дьявола. Ну, и твоему бывшему пастору тоже.

– Но... – попытался возразить Плетнёв.

– Ты хочешь выйти отсюда или дальше прослать адвентистом-сатанистом? – парировал Павлов и вновь постучал авторучкой по своему рисунку. – Скажешь, что в Церкви Равноапостольного Дмитрия Каримского дьяволопоклонники сожгли себя на праздник Бельтан два года назад... И что пастору Камалову это известно.

Вадим был удивлён. Конечно, клеветать на Роберта и своих братьев-адвентистов он точно не собирался. Ведь незнакомец со шрамами говорил чудовищные вещи.

– Ну, и напоследок скажешь, что на кладбище видел посторонних, – добавил Ламбрант и повернулся к притихшему Хомунину. – К завтрашнему заседанию понадобится эксперт-криминалист, который даст заключение, что брызг крови на одежде Плетнёва не обнаружено. А без них предъявить нашему подзащитному нечего.

– Какое завтра? – недоумевал Артём, едва сдерживая кашель. – Какое заседание?.. О чём Вы вообще сейчас говорите???

– О том, что завтра областной суд рассмотрит жалобу на незаконное задержание и помещение под стражу, – скороговоркой произнёс Павлов и взглянул на подследственного. – Если не скажешь так, как я велел, будешь гнить на нарах до конца своих дней, понял?

Вадим поёжился от уродливого лица человека в рясе, но торопиться с ответом не стал. В конце концов, он сам ещё не виделся ни с кем из общины. Наверно, к нему сюда просто никого не пускали. Поэтому надо было прояснить ситуацию с адвентистами. Да и с чего вообще этот незнакомец со шрамами решил, будто Плетнёв станет наговаривать на братьев и пастора такие нелепицы?

– Я лгать не буду, – заявил парень, вызвав ухмылку на лице Ламбранта.

– Будешь, – уверенно ответил тот и жестом потребовал от адвоката планшетник, на котором быстро нашёл фото топорика с красным камнем. – Этот предмет у тебя был в руках в тот день, верно?

– И что? – продолжал недоверчиво бубнить Вадим.

– Где ты его взял? – Павлов увеличил изображение на экране, так что стал виден символ на рукоятке.

– Нашёл под комнатой мальчишек в доме пастора Роберта.

– И ты так спокойно смог взять его в руки? – Ламбрانت откровенно удивился этому факту, а Хомунин вообще перестал понимать, что здесь происходит.

– Ну, да, а что такого? – буркнул Плетнёв.

– Если выберешься отсюда, может быть, расскажу, – парировал мужчина в рясе, смяв бумагу с нарисованным сатанинским знаком. Он поднялся из-за стола и повернулся к адвокату. – Мы закончили.

– Так я даже не объяснил клиенту его права! – взорвался Хомунин от такой бестактности.

– Я ваш клиент, – напомнил Павлов, мигом заставив парня позабыть про амбиции. – Всё, что нужно, он узнал. Теперь выбор за ним, а Ваша задача – устроить завтра суд.

Вадим почувствовал себя ребёнком, которого наказали в детском саду и теперь как-то нестандартно воспитывают. Артём же молча кивнул, затолкал в портфель бумаги и планшетник, попрощался с подзащитным и направился к выходу. Собственно, деньги ему дали, а ничего нового предложить следствию он не мог. Исходя из того набора материалов, с которыми он успел ознакомиться, Плетнёву светил солидный срок, даже если тот признает вину и покается. Поэтому казалось странным, каким образом мужик в рясе собирается добиваться его освобождения. Если только подкупит судью?..

Задумавшись об этом варианте, Хомунин не заметил, как Ламбрانت выхватил у него портфель и извлёк оттуда планшетник.

– Эту вещь необходимо вернуть лично мне, – заявил Павлов, ткнув в фотографию топорика. – Поэтому понадобится иск об истребовании имущества из чужого незаконного владения.

– В смысле??? – удивился Артём. – А Вам-то с чего вдруг её должны отдавать?

– Потому что я её создатель, – в очередной раз за сегодняшний день огорошил его Ламбрانت во дворе СИЗО. – Этот предмет из моей авторской коллекции. Я реализовал его на аукционе в галерее Наватина месяц назад с сохранением права следования.

– Так если продали, то тогда собственник должен подавать иск, – подметил адвокат, у которого в голове от нового дела варилась настоящая каша.

– А собственник мёртв, – улыбнулся Павлов, вернув планшетник хозяину. – Стало быть, по праву следования акс теперь мой.

– Акс? – недоумённо переспросил Артём.

– Так называется этот предмет. Я заключил с галереей договор, по которому коллекция принадлежит покупателю лишь при жизни. А после смерти произведение возвращается автору, то есть мне.

– Не слышал я как-то о таких договорах, – засомневался Хомунин. – Это вообще законно?

– Ну, в авторском праве Вы так же не особо сильны, как и в уголовном, – ухмыльнулся Ламбрانت. – Просто составьте исковое заявление и ускорьте процесс его рассмотрения. Мне понадобится этот предмет. Я пришлю Вам на электронную почту исходную информацию.

На том и разошлись. Павлов пешком удалился в противоположную сторону от СИЗО. А Артём вернулся в свою «Пятнашку» с гудящей головой. Дел у него теперь значительно прибавилось. Правда, ему и заплатили немало. Но он думал, что придётся только подписывать протоколы и иногда ходить на какие-то следственные действия, как обычно это происходило с обречёнными клиентами.

Что ж, кто платит, тот и определяет условия. Поэтому первым, чем занялся Хомунин, стало посещение Областного Суда. Как ни странно, наспех составленная жалоба уже лежала в судебной канцелярии. Кто её успел подать, Артём решительно не понимал. А ещё через два часа ожиданий ходатайство об ускорении рассмотрения жалобы одобрил некто судья Блинов, и заседание назначили на завтра после обеда. Настроение от этого поднялось. Так что к районному суду Артём приехал уже в весёлом расположении духа и с ворохом бумаг по иску на авторский «акс».

Пока молодой адвокат, расположившись в вестибюле с ноутбуком, составлял заявление, выяснилось много пикантных подробностей. Договор, о котором говорил Павлов, действительно содержал условие о возврате предмета автору после смерти приобретателя. В качестве такового значилась некто Семеенко Ульяна Владимировна, проживавшая в элитном загородном посёлке. Ламбрانت прислал также фотографию свидетельства об её смерти. И хотя формальных оснований для иска было предостаточно, Артём не удержался от любопытства и стал изучать личность Семеенко в Интернете.

Прежде всего, оказалось, что она была весьма крупным меценатом всяких художественных проектов. Женщина спонсировала детские конкурсы, учредила премию для художников и скульпторов, даже входила в Совет по культуре при местном губернаторе и организовывала выставки для молодых талантов. Видимо, деньги у неё крутились немалые, ведь «акс» на пожизненное пользование она купила за весьма солидную сумму. Не удивительно, что Павлов был столь щедр, нанимая Хомунина для своих странных игр с законом.

К тому же Семеенко была персонажем светских скандалов. Её обвиняли в походах «налево» от мужа-писателя, в шашнях с местной футбольной звездой, затем с владельцем кожевенной фабрики и непосредственно перед гибелью – с московским ловеласом Тимуром Алимовым. Из-за последнего, как понял Артём, любвеобильная благотворительница и скончалась в пьяной аварии. А донжуан – выжил.

– Это ты на меня маляву настроил в облсуд?! – раздался из-за спины звонкий голос, и Хомунин увидел блондинку в чёрном деловом костюме и в очках с красной оправой. – Что тебе этот Плетнёв сдался вдруг? Он рецидивист и психопат, его только за решёткой надо держать...

– Послушайте, Юлия Игоревна, – спокойным голосом завёл адвокат, – Вы же квалифицированный юрист и знаете, что это конституционное право моего подзащитного.

– Какое ещё конституционное право! – взревела следователь, размахивая увесистой папкой. – Он уколошил парня из своей секты и спрятал троих детей, которые тоже потенциальные трупы уже. Его нельзя выпускать никуда! И никто вменяемый его не выпустит! Так что можешь не строчить кляузы в суды, тебе ничего не светит!..

– Ну, завтра и посмотрим, – в прежнем ровном тоне ответил Артём, попутно открыв на планшетнике фотографию «акса». – Вот эту вещь тоже я буду забирать из вашей конторы.

– С фига ли это?! – возмутилась девушка ещё больше. – Это вещдок! Забудь на полгода вообще об этой бредовой затее!..

– Вот сейчас подаю иск. Хозяин этой дорогой штуковины требует вернуть её ему.

– Ну-ну, – ухмыльнулась Юлия Игоревна, – может, ещё меня уволишь и отправишь за решётку на всякий случай?..

Следователь вдруг истерично расхохоталась и двинулась в сторону выхода. Правда, перед дверью она резко развернулась и состроила строгое лицо.

– Запомни, Хомунин, будешь мне палки в колёса вставлять, я тебя хрум-хрум тогда, – пригрозила девушка и удалилась на улицу.

Артём лишь мотнул головой и хотел отключить планшетник, как его взгляд задержался на «аксе». Ещё минуту назад фотография казалась вполне себе обычной. На ней был изображён серебристый топорик с красным камнем и дугой между лезвиями. А теперь на экране темнело что-то неприятное, словно вытянутая рогатая морда. Полистав другие фотофайлы, Хомунин убедился, что испортилось только изображение «акса». Пришлось перезагрузить планшетный компьютер.

– Какое ещё право следования? – скривив накрашенные вишнёвой помадой губы, вопрошала тучная женщина, которая принимала сегодня заявления в суде.

– Там же всё написано, – оправдался Артём. – Вон и договор приложен.

– А госпошлина где? – вздохнув, потребовала мадам грубым голосом.

– О, минутку, – спохватился адвокат и достал квитанцию из кармашка портфеля. – Вот, пожалуйста.

Вдруг в кабинет вошёл усатый мужчина в сером костюме и передал бабине бумажку с какой-то надписью.

– Звонили из главка, просили не задерживать, – сопровождал он свой жест.

Судебная чинуша резко изменилась в лице, даже как-то растерялась и показала пальцем на Хомунина.

– Так вот же только принёс он бумаги, – недовольно сообщила она.

– Ты не поняла, что ли?! – повысил голос незнакомец, и женщина мигом присмирела.

Усатый же улыбнулся Артёму и ушёл обратно. После этой сцены вопросы у судебной чиновницы закончились. Она даже не стала проверять остальные документы, так что адвокат был свободен буквально к полднику. Столь легко его дела ещё никогда не шли, тем более за такой короткий срок. Кажется, у Павлова имелись связи в верхах, которые он шустро подключил. Вон и жалобу Плетнёва приняли, и иск, и стервозная следователь Юлия уже нервничает из-за всего этого. Если так пойдёт и дальше, работать со странным мужиком в рясе будет одно удовольствие!

Испытав давно забытое чувство азарта, Артём вприпрыжку вернулся в машину и взялся названивать любимой девушке. Та как раз готовилась закончить рабочую смену и идти домой.

– Жди, сейчас заеду, – пообещал Хомунин. – Сегодня угощаю в ресторане, у меня новое бабловое дело!

Вырулив на дорогу и проехав совсем немного, адвокат остановился. Перед сквером Боевой Славы толпился народ с транспарантами и большими деревянными крестами. Намечалась какая-то заварушка. Если бы это был обычный день, Артём не обратил бы на столпотворение никакого внимания. Но за сквером располагался адвентистский храм, к которому и направлялся возмущённый народ. Поэтому парень вышел из «Пятнашки», перебежал дорогу и принялся изучать лозунги митингующих.

– *Адвентисты-сатанисты!* – повторяла группка женщин, размахивая флагом, на котором темнела козья башка, перечёркнутая распятием.

– *Долой сектантов из города!* – кричал молодой человек с длинными волосами, стуча основанием креста об землю.

– *Детобийцы!!!* – верещала какая-то бабка в чёрном платке и кидала в сторону здания Церкви Христианской Надежды бутылки с водой. Видимо, со святой, подумал Хомунин, наблюдая со стороны за всем этим «народным недовольством».

Массовые возмущения его забавляли, а уж тем более на фоне дела, которое ему так внезапно досталось. Вот только полюбоваться гневом православной общественности ему не дал вибрирующий сотовый телефон.

– Что Вы там делаете? – раздался недовольный голос Павлова, и Артём, обернувшись, увидел загадочного клиента на тротуаре напротив себя.

Адвокат протиснулся сквозь толпу и поравнялся с Ламбрантом.

– Просто стало любопытно, – ответил он на недавний вопрос заказчика. – А что такое?

– Вы вообще как-то за новостями следите? – укоризненно заговорил Павлов, достав свой мобильник и показав ему. – Видели, что нашли власти на окраине города?

– Нет, я был занят выполнением Ваших поручений, – парировал Хомунин, вглядываясь в экран смартфона.

– Нашли старшего сына адвентистского пастора, – ошеломил его Ламбрانت, стараясь не обращать внимания на вопли из сквера, – в квартире, которую использовали для проведения сатанинской мессы.

– Надо же, – опешил парень, бегло читая городские новости через мобильный интернет. Такой поворот мог навредить делу, ведь завтра придётся как-то оправдываться в суде.

– Поэтому светиться здесь нельзя, – заключил Павлов, отобрав свой телефон у адвоката. – Если нашли тело, которое убили сегодня, значит, Плетнёв точно не при делах. Подумайте, как обыграть это. Лучше вообще сейчас посетить эту квартиру, узнать, что там да как.

– Но я планировал...

– Вечером дам Вам очередной транш, – прервал клиент его попытку увильнуть от нового задания.

– Конечно, – сдержанно ответил Артём и направился назад к своей машине.

Ресторан, само собой, отменялся. Пришлось позвонить любимой и всё перенести, за что она устроила телефонную истерику. Впрочем, Хомунин давно к такому привык. Да и вину свою он признавал. Вот только перспектива получения нового солидного гонорара его привлекала гораздо больше вечернего секса.

Так что от сквера Боевой Славы адвокат направился напрямиком на место обнаружения тела. Отыскать его оказалось задачей не из лёгких. Серия одинаковых трёхэтажных «хрущёвок» тянулась в этой части города практически бесконечно. Пару раз Хомунин заехал не в тот двор, потом чуть не задавил бабушку, которая принялась отчитывать его. Наконец, когда уже сгущались сумерки, он припарковался возле длинного дома, у которого всё ещё дежурил милицейский фургон. Впрочем, всё это было зря, по мнению Артёма. Адвокатов никогда не пускали на место происшествия. А тут уж и подавно – главный злодей в СИЗО, а его жертва вдруг выплывает на отдалённой окраине.

Суровый оперативник перегородил Хомунину путь. Даже отговорка, что ему нужно в соседний подъезд, не произвела на милиционера никакого эффекта. Но следом из открытого нараспашку окна первого этажа выглянула знакомая физиономия в красном свитере. Это был Виктор Делягин, глава оперативников по пригородным районам. Видимо, случай из разряда особо важных, раз начальника заставили лично проводить осмотр.

– Ты чё здесь трёшься? – уточнил он у него.

– Да так, к клиенту заезжал, – быстро нашёлся Артём, сообразив, что никто здесь не знает, что именно он теперь защищает Плетнёва. – А у Вас там настоящий хоррор?

– Не то слово! – выкрикнул Виктор и махнул рукой своему дежурному, чтобы тот пропустил знакомого адвоката.

В подъезде пахло каким-то болотным запахом, словно здесь давно не чистили канализацию. На площадке было всего две двери, и на обеих кто-то чёрной краской нарисовал перевёрнутые кресты и рогатые черепа. Для убедительности отдельные штрихи даже сделали свещами. Тем не менее выглядело это всё зловеще.

– Умно, – сказал Виктор своим неизменным густым басом.

– Что? – не понял Артём, боясь проходить внутрь. Честно говоря, на месте убийства ему пришлось присутствовать впервые за свою пятилетнюю практику.

– Подбросить труп жертвы как раз, когда мы заперли пациента, – пояснил оперативник. – Какой-то новый адвокатишка уже бузу поднял, ябедную настроил в верховный. Сто пудей, теперь начнётся движуха.

– Так а мальчика-то грохнули сегодня или когда? – сделав невинный вид, поинтересовался Хомунин.

– Да сегодня уж, до обеда где-то, – недовольно отозвался мужчина, возвращаясь внутрь мрачной квартиры. Пришлось последовать за ним.

На полу валялось сено и еловые ветки. Пахло, на удивление, чем-то сладким – то ли кальяном, то ли свежеиспечённым тортом. В квартире, видимо, давно никто не жил, потому что не было никакой мебели. Зато имелась одна длинная комната. Наверно, раньше тут была стена между залом и спальней. Но без неё помещение стало довольно просторным. В конце единственной комнаты чернел нарисованный перевёрнутый крест, только уже более художественно – с узорами в виде змей, скорпионами по бокам и рогатыми черепами. Труп, слава богу, уже отсюда забрали. А вот атмосфера мертвечины в воздухе ощущалась по-прежнему явственно.

– Вырезали сердце, – продолжил Виктор, указывая на кровавые разводы на полу зала. – А вон сумка с вещами Плетнёва валяется под батареей.

Хомунин и без того был напряжён. А тут ещё такое – внезапная улика против его с Павловым планов. Криминалист в перчатках как раз перебирал одежду и перекладывал её в пакеты. Его напарник рядом пытался снять отпечатки пальцев с подоконника. Ещё один мужик щёлкал фотоаппаратом.

– У Плетнёва есть подельники, это уж сразу стало ясно, – рассуждал оперативник. – И ведь не выдаёт, скотина, никого. Всё отрицает, гнида грёбаная!

– Ну а что ему остаётся, – философски подметил адвокат, озираясь по сторонам. – А сколько примерно сообщников тогда?

– Немало, думаю, целая ячейка сатанюг орудует опять. И чем быстрее мы их сцапаем, тем больше жизней удастся спасти.

В словах Виктора был резон. Одно дело, когда эти извращенцы калечат друг дружку, как в прошлые годы. И совсем другое, когда убивают детей. Теперь возмущение толпы у адвентистской церквушки Артём понимал куда как лучше. Он представил себя на месте погибшего мальчика да ещё в окружении жутких типов с ножами и чёрными свечками. Хомунина так и передёрнуло от мысли, что благодаря ему один из участников этой кровавой оргии сможет выбраться на свободу.

– Опа, гляньте-ка! – раздался голос криминалиста, и парнишка в перчатках вытащил из сумки Плетнёва длинный предмет, конец которого венчали пластины.

Вот только из рук специалиста он тут же выпал.

– Чёрт, током бьётся! – возмутился криминалист, болезненно тряс ладонь.

Все окружили лежащую на полу находку. Она очень напоминала «акс», который так жаждал вернуть себе Павлов: отдавала таким же серебристым блеском, того же размера и с красным камнем на рукоятке. Это нехорошее совпадение, отметил про себя Артём, стараясь не показывать виду, насколько ошеломлён.

– Что за херня такая ещё?! – возмутился Виктор, указывая на предмет. – Тоже топорик?

– Нет, это что-то другое, – засомневался парнишка в перчатках. – Кажется, булава или что-то из этого рода.

– Это пернач, – сообщил фотограф, уже сделав несколько снимков таинственной вещицы. – Ударное оружие, дробить кости им милое дело.

– Плетнёв утверждает, что топор он нашёл у пастора своей секты дома, – вспомнил Виктор и усмехнулся. – Ну, теперь-то он ничего не скажет. Явно уж в своей сумке таскал обе этих херни.

– Так ведь Плетнёва же закрыли несколько дней назад ещё, – вмешался Хомунин, нервно потирая запястье.

– И что? – ухмыльнулся оперативник. – Его же сумка, его и вещи.

– Ну, подбросить их сюда мог кто угодно, – продолжил рассуждать Артём. – И что угодно...

– Брось свои адвокатские штучки, а! – отмахнулся от него Виктор, упаковывая находку в пакет для улики. – Плетнёв откровенный уж сатанист, ещё и сектант.

– А как узнали вообще, что в этой квартире труп? – решил уточнить Хомунин.

– Да местные нашли, дверь не заперта была.

– Тогда вообще непонятна логика. Дверь даже не закрыли, а сумку с вещами Плетнёва этого вашего оставили... Подставой же пахнет, не так ли?

Криминалисты переглянулись и вновь расползлись по комнате. Оперативник же приблизился к адвокату и проникновенно посмотрел на него серыми глазами.

– Это не ты ли, дорогой дружочек, стал защитником нашего сатаниста? – спросил в лоб Виктор с крайне недовольным видом.

– Адвентиста, – поправил его Артём и наигранно улыбнулся. – Да, это я. Сегодня наняли, вот хожу, узнаю подробности...

Они напряжённо смотрели друг на друга, совсем как две собаки, раздумывающие перед тем, как начать грызню.

– Исчезни, – приказал мужчина, указав на тёмный коридор, и повторять ему не пришлось.

Хомунин с чувством выполненного долга сразу же направился к выходу. В конце концов, он ничего не нарушал. Ведь Виктор сам пригласил его на место преступления. Да и что такого ужасного, если он присутствовал при сборе доказательств? Не он же их подкинул. К тому же этот случай с убийством подростка власти пытались повесить на его клиента. Значит, Артём вообще выполнял свой профессиональный долг по сбору информации. А то следствие любило скрывать факты до часа пик, не давая возможности обвиняемому хоть как-то защищаться. Правда, с Виктором теперь вряд ли удастся поддерживать нормальные отношения.

– Ты защищаешь подонка! – закричал оперативник, выбежав чуть ли не вслед за адвокатом и нагнав его у «Пятнашки». – Ты понимаешь это?!

– Это просто работа, – парировал Хомунин, глядя на взбешённого мужчину.

– Его прибить надо прямо в СИЗО за такое!

– О, да, – засмеялся Артём. – Будь по-вашему, вы бы всех перебили прямо при задержании без суда и следствия. Ну и Плетнёва этого многострадального тоже. Хотя парень совсем не вызывает впечатление сатаниста. Слишком простой он и Бога часто упоминает.

– А ты, я смотрю, резко стал разбираться в сатанистах, – хищно сощурился Виктор. – Смотри, как бы тебя самого они не почикали на лоскутки!..

– Спасибо за переживания, но моя скромная персона как-нибудь разберётся с этим сама.

– Двинуть бы тебе, да мараться не охота, – пригрозил оперативник. – Лучше я накатаю жалобу, как ты теперь это любишь делать. Например, в вашу адвокатскую палатку, пусть оценят на этичность твоё появление здесь.

– Закон об адвокатуре подарил Вам и такое право, – ухмыльнулся Артём и проводил удаляющегося мужчину взглядом.

На самом же деле ему было не по себе. Так конфликтовать с ментами он ещё никогда не умудрялся. Тем более ради какого-то незнакомого Плетнёва. Но Хомунин вспомнил о деньгах и тут же набрал на мобильнике номер Павлова.

– Я в католическом костёле, – сообщил Ламбрант, чем вызвал у адвоката очередное подозрение. Непонятно, был ли его клиент священником или нет. Всё-таки ряса, шляпа, перчатки в столь тёплый день вызывали ассоциации с церковным служителем.

Говорить по телефону Павлов не стал. Пришлось ехать к нему.

Единственный в городе католический храм располагался в центре недалеко от университета, который в своё время закончил Артём. Ему даже сейчас попались несколько бывших сокурсников, едва он припарковал машину на стоянке перед голубым зданием костёла. Правда, поболтать о жизни не удалось – вечер уже был в самом разгаре, и хотелось поскорее закрыть сегодняшние вопросы. Да и девушка без конца посылала сообщения на телефон, возмущаясь его отсутствием.

Из храма как раз выходили прихожане. Видимо, только что закончилась вечерняя служба. Артём оценил две высокие башни с остроконечными крышами и протиснулся внутрь. Атмосфера здесь была гораздо более привлекательная, чем в православных церквях, в которые иногда приходилось заглядывать молодому адвокату. Повсюду горели бра, играла органная музыка и пахло чем-то ароматным – то ли розовым маслом, то ли жасмином. Да и люди вокруг выглядели счастливыми, ухоженными и добродушными. Они даже здоровались с незнакомым посетителем.

Вот только Ламбранта нигде видно не было. У алтаря стоял священник в белом облачении и двое мальчишек-помощников. Хомунин покрутился между скамейками в зале, перешёл к столикам у западной стены, где были разложены книги и рисунки. Попутно он попробовал позвонить клиенту, но дама в шляпке сделала ему замечание. Мол, в храме принято отключать мобильники.

– Что там с телом? – раздался над его головой голос Павлова, и Артём чуть не споткнулся.

Ламбрант стоял на втором ярусе, перевесившись через перила. В обстановке костёла он выглядел весьма гармонично. Всё-таки не зря клиент носил рясу и шляпу с серебристой лентой. Наверняка он занимался какими-то религиозными делами.

– Всё совсем не хорошо, – пожаловался Хомунин и поспешил подняться к своему загадочному заказчику.

Отсюда вид на церковный зал был просто восхитителен. А из окна открывался чудный вечерний пейзаж на набережную озера. Павлов держал в руках какую-то маленькую книгу с обшарпанной обложкой. Артём попытался рассмотреть, что там нарисовано, но клиент быстро спрятал фолиант на полку стеллажа, где подобных томиков было бесчисленное множество.

– Вы оказались правы, здесь замешаны сатанисты, – перешёл на шёпот адвокат. – Там сущий кошмар – сердце вырезали, всюду нарисованы черепа и перевёрнутые кресты...

– Нарисованы? – удивился Ламбрант, приподняв брови.

– Да! И ещё нашли сумку Плетнёва с вещами, а там очередная Ваша работа... Ну, из коллекции «Аденбарум».

Павлов озлобился, сжал кулаки, а лицо его как будто потемнело. Хотя оно и так было серым, словно под шрамами текла кровь чёрного цвета.

– И смертные смогли взять его в руки? – уточнил Ламбрант.

Хомунину понравилось, как клиент назвал оперативников. Таких сравнений он ещё не слышал и подумал, что неплохо бы запомнить.

– Вы знаете, он ударил их током, – оживился адвокат. – Это что, защита от воров? Там что-то встроено внутри?

– Типа того, – сухо ответил Павлов и уставился вниз, где практически уже никого не осталось. – Эти совпадения не случайны. Надо выяснить, откуда коллекционные предметы у этих убийц и как они попали к ним от покойной владелицы.

– Может, её дом или квартиру ограбили? – предположил Артём, двинувшись следом за встревоженным клиентом. – Когда человек мёртв, какое-то время его имущество становится бесхозным. Особенно если наследники ещё не определились или вообще нет родни...

– Я не гадатель. Просто надо сходить и выяснить это, причём сегодня же.

– Простите, но мой рабочий день закончился полчаса назад, – сдержанно улыбнулся Хомунин, взглянув на свои дешёвые часы. – Я подустал, мне надо подготовиться ещё к завтрашнему заседанию...

Ламбрانت уставился на него через затемнённые очки. Днём они смотрелись как-то привычно, ведь светило яркое весеннее солнце. Но сейчас в помещении да ещё и за чтением книги это выглядело подозрительно.

– Я всё понимаю, эти Ваши вещи могут в итоге навести следствие на Вас, – продолжил адвокат, немного заикаясь от нервозности. – Но и Вы поймите, я же весь день этим делом занимаюсь.

– У людей Вашей профессии не бывает рабочего или нерабочего времени, – подметил Павлов, и вид у него по-прежнему был зловещий.

– Очень даже бывает. Я и так сегодня сделал много для Вас – всё, что Вы просили. Но мне надо отдохнуть, завтра тяжёлый день...

Внезапно всё вокруг потемнело, а Артёма отбросило на книжный стеллаж. Оттуда вылезли мохнатые лапы и обхватили всё тело парня с головы до ног. Клиент же выглядел ужасно – чёрный, дымчатый, с горящими огнём глазами. На голове вместо шляпы торчали два рога, а из-за спины возникли массивные крылья и длинный остроконечный хвост. Ламбрانت подошёл к шокированному Хомунину и с интересом оглядел его, словно медведь найденный труп лося.

– Ты заключил сделку, – сказал он низким, пробирающим голосом, и эхо разлилось по всему пространству костёла. – Теперь ты обязан делать всё, что я прикажу – любыми способами!..

Подбородок адвоката задрожал, так что он не мог ничего ответить, даже если бы захотел. Конечности из книжных полок держали его, иначе Артём непременно бы рухнул в обморок от всего происходящего. Ламбрانت повернулся к перилам, и inferнальное представление разом прекратилось. Темнота сменилась тёплым светом бра, вновь возникла спокойная органная музыка, а клиент стоял в прежнем земном образе – в рясе, шляпе и очках.

– Вам придётся провести этого донжуана Алимова, – промолвил Павлов привычным холодным тоном. – Он в седьмой горбольнице. Думаю, это его проделки. И не стоит с ним церемониться.

– Х-хорошо, – прошептал Хомунин, хотя и забыл, кто такой Алимов, но при этом лихо-радочно закивал. – Можно идти?..

Ламбрانت посмотрел на него сквозь тёмные линзы очков, и адвокат сразу понял, что лучше не задавать лишних вопросов. Да и разговаривать внятно он сейчас всё равно не мог. Ноги были как ватные, руки дрожали, голова отяжелела. После демонической сцены Артём чувствовал себя так, словно подцепил грипп. Но из католического храма он всё же выскочил, как угорелый, преодолел пустую автостоянку и заскочил в свою «Пятнашку».

– Чёрт, – шептал Хомунин, потирая горячий лоб. – Вот же чёрт...

Однако рассуждать наедине с собой о том, с каким опасным существом связала его работа, не осталось времени. Больницы работали по чёткому графику, и вряд ли удалось бы попасть к Алимову просто так. Поэтому Артём ускорился, выехал на дорогу, стал нарушать правила, но уже через двадцать минут поднимался на крыльцо медицинского учреждения.

– Всё, часы посещения закончились, – заявил толстый охранник, пытаясь запереть дверь перед носом адвоката.

– Я по уголовному делу, – вставил парень, показав своё адвокатское удостоверение.

– Тем более, молодой человек, с утра приходите, – настаивал неугомонный секьюрити.

– Ты чё, баран, не понимаешь совсем ничего! – рявкнул вдруг Хомунин и дернул дверь на себя так, что мужчина растерялся. – Тебе по башке настучать или по пузу?!

От таких слов охранник удивлённо раскрыл рот, но отступил в сторонку. Артём же поправил на себе пиджак и властным шагом двинулся внутрь отделения. Признаться, такой приём у него раньше никогда не срабатывал. Брать нахрапом мелкий персонал вроде дежурных или охранников приходилось редко. Однако в свете «ценных указаний» Павлова церемониться он уже ни с кем не собирался. Велено узнать сегодня, куда делись вещи погибшей Семеенко, придётся идти на крайние меры.

Палата у Тимура Алимова, любовника погибшей коллекционерши, располагалась в дальнем конце здания. Здесь дежурила отдельная медсестра, с которой разговор у Артёма состоялся тоже весьма короткий.

Травмированный в дорожной аварии пациент как раз заканчивал ужин, сидя в кресле перед широким плазменным телевизором. Место его лечения больше напоминало номер в трёхзвёздочном отеле. И это не удивительно, ведь Алимов считался московской знаменитостью: выступал пару лет назад на музыкальном телевизионном шоу, потом записал альбом, даже гонял за границу с концертами. Но в последний год дела его как-то пошли на спад, и парень осел в провинциальной столице. Как выяснилось, он окучивал при этом богатую мадам в возрасте.

– Чё ещё? – небрежно поинтересовался Тимур, обернувшись на позднего гостя.

– Мне надо поговорить о коллекции «Аденбарум», – с порога заявил Хомунин и на всякий случай запер замок на дверной ручке палаты.

– Чё? – прогудел Алимов, голова которого была перебинтована.

– Ульяна Семеенко купила коллекцию в галерее Наватина, – пояснил Артём, включив планшетник. – Я сейчас представляю интересы автора этих вещей. По договору после смерти владельца они должны быть возвращены обратно изготовителю.

– Бро, ты вообще не по адресу, – недовольно поморщился больной. – Я не в теме, чё и какие цацки. Иди вон к мужу её...

– Мне сказали, что Вы должны знать, куда делись эти предметы, – настаивал Хомунин и покосился на грязную вилку, которая лежала перед пациентом. – Давайте не будем усугублять ситуацию, потому что люди весьма серьёзные, а дело не терпит отлагательств.

– Да я ж говорю, не в курсах я ни о каких таких делишках. И вообще у меня башка гудит, дрыхнуть пора...

В следующий момент адвокат и сам не ожидал, что пойдёт на такое. Он схватил жирную вилку и приставил к лицу парня. Тот от неожиданности открыл рот и уставился на четыре острых зубчика, маячивших прямо перед его глазами.

– Кому досталось серебряное оружие с красными камешками? – спросил Артём уже недружелюбным голосом. – Или я прибавлю пару диагнозов к твоей больничной карте!..

– Окей, окей, – пыхтя, заговорил Тимур. – Бро, давай без эмоций... Я их продал, бабло вообще позарез было нужно, вона на лечение и всё такое...

– Кому?! – повторил Хомунин, и чувство власти над покалеченным парнем ему вдруг понравилось.

– В лавку антикварную! – быстро ответил Алимов. – Ну, эту, в центре, за синагогой...

Адвокат ухмыльнулся и отпустил несчастного. Вилку же бросил на пол, а запачканную жиром руку вытер об ошарашенного парня.

– Сколько в коллекции предметов? – уточнил Артём, возвращаясь к двери.

– Пять. Я все пять и толкнул туда, вообще по дешёвке, за копейки...

– Будешь паинькой, и я не сдам тебя ментам, – пообещал Хомунин и вышел из палаты уже в приподнятом настроении.

Так усердно он ещё никогда не старался. Но жуткий образ Ламбранта с рогами, хвостом и крыльями по-прежнему стоял перед глазами и заставлял вздрагивать. Поэтому останавливаться на посещении больницы Артём не решился. Даже звонить клиенту лишний раз теперь было боязно. Пришлось возвращаться в центр и ехать к синагоге. Время доходило уже к восьми вечера, но в подобных конторах всегда кто-то сидел в любое время суток.

За единственным в городе еврейским храмом, действительно, находился антикварный салон. И, как ни странно, он ещё был открыт. Правда, основной торговый зал располагался в цокольном этаже и больше производил впечатление ломбарда, чем какой-то солидной фирмы. Какого только барахла здесь ни валялось: мечи, вазы, напольные часы, кастрюли, самовары, даже советские телевизоры. Нужно было очень постараться, чтобы не уронить чего-нибудь по пути к стойке продавца.

– Что желаете, молодой человек? – расплылся в улыбке престарелый лысый мужчина с козлиной бородкой. – Есть широкий диапазон цен на статуэтки. Вон Фемида, часто берут юристы. Вон щит и меч...

– Я так похож на юриста? – ухмыльнулся Артём, оглядывая предложенные товары.

– Значит, я угадал, – вновь улыбнулся продавец и хотел достать с ближайшей полки статуэтки.

– Я по другому вопросу, – огорчил его Хомунин и показал фотографию «акса» на планшетнике.

Та успела поменяться за день уже во второй раз. Теперь изображение было совсем тёмным, но красный камень на рукоятке горел, словно лампочка.

– Хотите сдать или взять? – уточнил антиквар, пытаясь рассмотреть фотографию. – Что-то нечётко как-то получилось...

– Прикидываться только не надо. – Адвокат ощущал себя в таком настроении гораздо легче, чем в привычном образе серого клерка. И хотя Павлов его изрядно напугал, он не мог не признать, что свобода действий была гораздо интереснее обычных методов добычи информации.

– Простите? – напрягся продавец, потянувшись рукой под прилавок.

– Хочешь вызвать охрану, тогда придётся объяснить ментам, как оружие, при помощи которого убили сегодня ребёнка, оказалось в твоих грязных руках.

Такой аргумент быстро отрезвил старикашку с бородкой, и он, поджав губы, нехотя вернул руку на место.

– Я не понимаю, о чём Вы, молодой человек, – попытался антиквар уйти от ответа. – У нас здесь много разных товаров, за всеми и не уследишь. Берут всё и часто, бизнес процветает в последнее время, знаете ли...

– Ага, и топоры серебряные с камнями прям часто так попадают, – сыронизировал Артём. – Кто купил коллекцию?

Старик замялся, опустил взгляд.

– Я сам не из органов, – предупредил Хомунин. – Но могу сообщить им, где успело побывать орудие убийства. Попадёшь во все криминальные хроники уже завтра, и православные активисты придут колотить твой магазинчик.

– Не надо, – сдался старьёвщик, и руки его предательски задрожали. – Эта коллекция, она ведь долго у меня не задержалась. Её купил такой импозантный господин, мне даже показалось, что он какой-то священник вроде бы.

– Чую, именами в этой конторе не принято интересоваться, – недовольно заключил Артём, окинув презрительным взглядом антикварный мусор вокруг себя.

– Он заплатил наличными и взял сразу все вещи, невзирая на дефект! – вставил продавец весомый, по его мнению, аргумент, приподняв палец.

– Дефект? Бились током они, что ли?

– Да! Вообще руками никак не взять. Я в первый раз чуть кардиостимулятор свой не спалил из-за этого. Пришлось положить в деревянную коробку, даже перчатки не спасали...

– Так с чего ты решил, что это был священник? – поторопил адвокат.

– Ну, он одет был соответствующе, – принялся вспоминать антиквар, теребя свою забавную седую бородку. – Только не как православный поп, а по-западному, в деловом таком костюме. Весь в бежевом и ещё белый галстук. И вообще господин такой симпатичный оказался, приятный, очень вежливый...

Вдруг лицо старика просветлело, и он поспешил в подсобку. Хомунин на всякий случай последовал за ним. А ну как сейчас удерёт этот пройдоха, наговорив сказки. Но продавец схватился за шкатулку и стал рыться в бумажках.

– Сейчас, он же оставил мне рекламку, – радостно заговорил антиквар, видимо, понимая, что скоро сумеет избавиться от настойчивого посетителя. – Вот откуда я решил, что он священник или проповедник. А, ну вот, Церковь Христианской Надежды, гляньте-ка...

В руках у него, действительно, оказалась адвентистская листовка с указанием адреса и телефона городского храма. И цитата из Библии жёлтыми буквами *«Ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идёт к свету, чтобы не обличились дела его, потому что они злы, а поступающий по правде идёт к свету, дабы явны были дела его, потому что они в Боге соделаны»*.

Артём решил оставить эту бумажку себе, тем более запомнить такой кусок текста сразу у него бы не получилось. Пригрозив антиквару неприятными последствиями, если он всё же соврал, адвокат вернулся в машину и принялся искать в мобильном интернете сайт общины адвентистов. И скоро на экране смартфона появилась фотография пресвитера Джастина Тимшинского в светлом костюме и белом галстуке.

– Попался!.. – обрадовался Хомунин и следом набрал номер телефона Павлова.

– Вы делаете успехи, – похвалил его Ламбрант, выслушав краткий отчёт о вечернем расследовании. – С пресвитером я разберусь сам, готовьтесь к завтрашнему процессу.

Глава 3. Округ Дьявола

Стены туалета на четвёртом этаже Областного Суда видели всякое. И умирающих на унитазах наркоманов, решивших принять дозу перед щекотливым заседанием. И неврастеников, разбивающих зеркала в порыве злости от принятого судьёй решения. И даже тех, кто решил нагадить прямо на светлый кафель пола в качестве протеста против системы правосудия. А уж разнообразных сексуальных сцен здесь было просто не счесть! Предавались порыву страсти и прокуроры, и адвокаты, и простые граждане. Многие любили это делать вообще наедине с самим собой, чтобы хоть как-то снять напряжение в стрессовой ситуации. Поэтому судебные работники заходить сюда не любили, предпочитая спуститься на пару этажей ниже, где им был отведён специальный санузел.

Однако сегодня судья Блинов был вынужден заглянуть именно в туалет на четвёртом этаже, потому что компанию ему составила сексапильная брюнетка-практикантка. Время как раз обеденное, да и посетителей в коридоре не наблюдалось. Так что можно было по-быстрому уединиться в одной из кабинок, на всякий случай включив на полную мощность вытяжку. Даже если кто и сунется сюда, то вряд ли услышит сладострастные стоны.

И вот достопочтенный судья едва спустил брюки, как в дверку его кабинки постучались. – Занято! – озлобленно рявкнул мужчина, заставив девушку захихикать.

Но стук повторился и на этот раз весьма требовательно. Блинов, не думая поднимать штаны, высунул голову и хотел накричать на глухого проходимца, как тут же получил кулаком в нос. Практикантка завизжала, вот только вытяжка работала громче.

Нападающий в чёрной рясе схватил судью и выволок прямо к раковинам. Там он любезно открыл кран и принялся смывать проступившую чёрную кровь с лица своей жертвы.

– Приветствую, Талмонт, – улыбнулся ему Ламбрانت и поправил потрёпанный парик на голове Блинова. – Давненько не виделись.

– Ты... ты пришёл меня убить??? – задрожал судья, понимая, что на помощь сюда вряд ли кто явится. Тем более девица осталась в кабинке, сохраняя уже полнейшую тишину, как ей и велел Павлов.

– Нет, мне пока не хочется отрывать тебе рога, – ответил нападающий и закрутил кран. – Сегодня ты будешь весьма полезен в живом состоянии.

– Да-да, конечно, я обязательно сделаю всё, что нужно, – пробубнил напуганный Талмонт.

– Я и не сомневался, – ухмыльнулся Ламбрانت, оттирая свои перчатки туалетной бумагой. – Подследственных из СИЗО уже привезли. Там среди них есть такой Вадим Плетнёв. Его адвокат подал жалобу на незаконное задержание и помещение под стражу. Ты рассматриваешь дело через час.

– Так мне его отпускать? – уточнил судья, потирая ушибленный подбородок. – Или оставлять под стражей?

– Ах, Талмонт, разве бы я пришёл, если б мне понадобилось оставить парня за решёткой?..

Павлов снисходительно похлопал Блинова по щеке.

– Но что мне сказать прокурору? – занервничал мужчина, быстро застёгивая ширинку на брюках. – Там же Фресслент, он просто так не допустит этого...

– С Фресслентом всё будет хорошо, – кивнул Ламбрانت, направляясь к выходу. – Ты, главное, помни, Талмонт, что если я захочу тебя убить, то буду делать это *медленно*.

Блинов болезненно закрыл глаза и схватился за голову. Такого поворота событий он никак не ожидал. И что теперь делать? Кому-то сообщить? Внизу вроде дежурили гвардейцы

экзархата. Может, им удастся разобраться с этим обнаглевшим посетителем? Хотя вряд ли, ведь он же люциферит, его голыми руками никак не возьмёшь! Чёрт, чёрт, чёрт!!!

Приподняв парик, Талмонт вытер с лысой макушки пот и протёр небольшие рога. Практикантка, наверное, успела их заметить, выбравшись из укрытия как раз в этот самый момент. Правда, выглядела она крайне напуганной с растёкшейся по всему лицу тушью и взъерошенной причёской. Авось и не разглядела ничего?.. Ну да чёрт с ней, подумал Блинов и принялся приводить себя в порядок.

– Тось, кто это был? – любопытствовала девица.

– Никто, ты ничего не слышала и не видела, поняла меня?! – строгим голосом воскликнул судья, войдя в свой привычный образ.

– Но, Тось, он же ударил тебя...

– Если не заткнёшься, то я тебя ударю!.. – рявкнул Талмонт и поспешил в коридор.

Добравшись до своего кабинета, он схватился за мобильник и принялся названивать прокурору. Надо как-то предупредить его, что здесь орудует сам Павлов. Но сотовый телефон Фресслента не отвечал, и Блинов подозревал, что люциферит успел добраться до его сородича ещё раньше. На всякий случай пришлось вызвать гвардейцев экзархата. Трое крепких высоких парней в коричневой форме и серебристых сапогах поднялись в кабинет Талмонта.

– Люциферита здесь вообще быть не должно! – потребовал он от них, нервно стукнув по столу. – Вызывайте подмогу, оцепляйте всё здание, делайте что угодно, но этот маньяк не помешает свершиться правосудию!!!

В следующие полчаса здание суда забурлило, как муравейник. Парней в коричневых одеждах прибавилось. Они патрулировали все коридоры, заглядывали во все кабинеты и залы, проверяли подвалы и чердаки, даже выбрались на крышу. Но Павлов словно растворился в воздухе.

Когда же до заветного заседания по жалобе адвоката Хомунина оставалось пять минут, Блинов стал сильно нервничать. Впору бы отменить процесс да вообще искать себе укрытие, ведь люциферит никогда не шутил. Осенью ему даже удалось разгромить секретную резиденцию экзарха и обезглавить бесовское сообщество. Может, лучше сделать то, что он попросил? В конце концов, Плетнёв ведь не единственный, кого можно наказать за безобразия сатанистов.

Терзаемый сомнениями, Талмонт направился в зал судебных заседаний. Там уже находились смертные, включая сидящего за решёткой Вадима. Фресслент выглядел странновато в новом парике, который ему совсем не шёл. Да и как-то подозрительно он прятал глаза. Нужно было бы переговорить с ним перед столь ответственным делом. Но как теперь отреагируют адвокат и многочисленные журналисты? Пришлось открыть заседание как есть.

– Анатолий Петрович, защита ходатайствует о немедленном освобождении Плетнёва из-под стражи, – озвучил Хомунин свою позицию, когда ему дали слово. – Дело в том, что у следствия нет достаточных оснований для помещения обвиняемого под стражу. Равно как и нет оснований для предъявления обвинения. Орудие совершения убийства Власьева не установлено. На теле и одежде обвиняемого не обнаружено следов крови. Я бы хотел ходатайствовать о вызове специалиста-криминалиста для дачи устного заключения по материалам, на основании которых моему клиенту предъявлено обвинение...

– У нас не судебное следствие тут, уважаемый защитник, – остановил его Блинов, нервно потирая деревянный молоточек. – Разбирательство по делу будет проходить после завершения предварительного расследования. Говорите по существу, в чём выразилась незаконность задержания?

– Согласно протоколу задержания и протоколу осмотра моего подзащитного, – продолжил Артём, листая фотографии на планшетнике. – Лист дела 18, том первый. Так вот основанием для задержания указано наличие у моего подзащитного судимости. В соответствии с нормами УПК такого основания для задержания не предусмотрено...

– Что, прям так и написали??? – удивился Талмонт, раскрыв перед собой объёмную папку с бумагами.

– Ваша честь, разрешите ходатайствовать о перемене меры пресечения обвиняемому Плетнёву, – отозвался Фресслент в синей прокурорской форме.

– Что? К-как? – недоумевал Блинов, но вид у представителя обвинения был такой же напуганный, как и у самого судьи во время общения с Павловым. – Вы что, предлагаете отпустить Плетнёва под залог?

– Нет, Ваша честь, под подписку о невыезде. – Прокурор вытащил лист из своей папки и передал через пристава.

– Так если подписка о невыезде, то это следователь должен принимать постановление, а не суд, – возмущённо затараторил Талмонт, глянув на ничего не понимающего за решёткой Вадима. – И вообще сторона защиты обжалует ведь постановление о заключении под стражу, а не просит заменить меру пресечения. Ведь так, уважаемый адвокат?

– Именно так, Ваша честь, – кивнул Хомунин. – Для подтверждения нарушений в ходе задержания я прошу суд допросить обвиняемого об отдельных деталях составления протокола...

– Зачем мне его показания?! – прервал Блинов молодого защитника. – Конечно, он сейчас наговорит в три короба тут. Вон вчера труп одной из жертв нашли, ещё и вещи обвиняемого на месте преступления оказались.

– Ваша честь, вещи моего подзащитного оставались в доме Роберта Камалова на момент его задержания, – поспешил пояснить Артём. – Каким образом они оказались на месте обнаружения трупа, необходимо узнавать у других фигурантов дела. Очевидно, что идёт активный процесс по дискредитации моего подзащитного. Поэтому защита просит освободить его из-под стражи в зале суда.

– Что скажет прокуратура? – повернулся Талмонт к Фрессленту, всё ещё ожидая от него каких-то трезвых заявлений.

– Необходимости в решении вопроса о законности или незаконности помещения обвиняемого под стражу нет, – вновь забубнил прокурор, – поскольку следователь уже изменил меру пресечения на подписку о невыезде и надлежащем поведении.

– Тогда почему он до сих пор за решёткой? – недоумевал судья, почёсывая парик, под которым стало совсем мокро от пота.

– Следователь вынес постановление вот буквально перед началом заседания...

Блинов почувствовал облегчение. С одной стороны, отпускать похитителя детей и кровавого убийцу Плетнёва ему уже не придётся. С другой же, он останется чист перед Ламбрантом, ведь Вадима и так освобождают.

– Заседание тогда объявляю закрытым! – рявкнул Талмонт и побежал прочь из зала.

Хомунин попытался позвать его, но не успел. Такое нелепое завершение вопроса по его жалобе он наблюдал впервые. Блинов даже не вынес определения. Впрочем, поднимать шум Артём не стал, ведь Вадима и без того положено было выпустить из-за решётки.

– Не положено, – парировал конвоир, перегородив адвокату путь к клиенту.

– Вы же слышали, мера пресечения изменена на подписку о невыезде, – напомнил Хомунин и обернулся к Фрессленту. – Предоставьте постановление конвойной службе.

– Ах, да, – засуетился прокурор, и вдруг парик с его головы упал.

Мужчина закрыл лысую макушку обеими руками, растерянно осмотрел присутствующих и вдруг ринулся в коридор. Артём от удивления чуть не поперхнулся. Помощница прокурора быстро подняла с пола его «волосы» и поспешила вслед за ним. Конвоир же сохранял каменную физиономию, не собираясь просто так, без бумажек, отпускать Плетнёва. Пришлось Хомунину подождать.

Он вышел из зала заседаний, где опять встретил нескольких странно выглядящих парней в коричневых костюмах. Адвокат вновь попытался угадать, из какой они спецслужбы, но так и не смог этого сделать. Зато вскоре его обступили журналисты. За свою практику такого ажиотажа он ещё не видел. Перед ним возникли и телекамеры, и разноцветные микрофоны. Решив не увильнуть от возможности засветиться в СМИ, Артём принялся давать комментарии о деле Плетнёва.

– В здании суда съёмка запрещена! – важно воскликнул один из молодчиков в коричневой форме.

– А где нам брать интервью тогда? – возмутились репортёры.

– На улицу все идите, – грозно ответил охранник, и к нему на подмогу тут же пришли пятеро плечистых коллег.

Спорить с рослыми парнями журналисты не отважились и договорились, что подождут адвоката на крыльце. Хомунин же заглянул в зал заседаний, где по-прежнему за решёткой сидел Плетнёв. Пришлось отправиться на поиски прокурора.

В туалете казалось пустынно, и Артём решил заглянуть в одну из кабинок. Едва он расстегнул ширинку, как следом у раковин раздались два знакомых голоса.

– Как так-то, а?! – взвизгнул Блинов. – Вы чё там творите все, офонарели вконец!

– А к тебе не приходили разве? – дрожащим голосом отозвался Фресслент. – Я, знаешь ли, дорожу своими рогами. Мне этот детоубийца нафиг не сдался, раз за него впрягается сам люциферит...

– Так дела не делаются, Фресслент, ты же знаешь, – не унимался судья, попутно проверяя кабинки. – Ты обязан был известить экзархат, как вот это сделал я.

– Ну и зря, Талмонт, теперь тебе не спрятаться от люциферита...

В этот момент Блинов открыл дверцу кабинки, в которой стоял Артём, и грозно глянул на него.

– Что-то я не чую в Вас беса, – заявил вдруг судья, презрительно осмотрев парня с головы до ног. – Как люциферит сумел Вас нанять? Он же не работает со смертными...

– Не понимаю, о чём Вы, Ваша честь, – пожал плечами Хомунин и поспешил выйти.

Однако возле раковин его остановил прокурор, успев пристроить свой нелепый парик обратно на голову.

– Передайте ему, что мы всё сделали, как он велел, – попросил Фресслент с дрожащим подбородком.

– И будьте аккуратны, товарищ адвокат, – вмешался Блинов. – Вы ступили на территорию округа дьявола. Если не люциферит, то наши собраты с Вами ещё разберутся.

Артём решил не уточнять, о чём говорит этот психопатичный товарищ.

– Дайте конвойной службе поручение освободить моего подзащитного, – подчеркнул он и вышел.

Честно говоря, их беседа была слишком странной. Какой ещё экзархат? Причём здесь округ дьявола? И что за люциферит? Может, они имели в виду Ламбранта? Ведь вчера Хомунин лично видел, какой чудовищный у него вид – с рогами, хвостом, крыльями. Да и Блинов говорил про некоего беса. Как это было связано с рожками прокурора, прячущего их под париком?

Адвокат ощущал себя в какой-то сюрреалистической сказке – бесы, люцифериты, сатанисты, адвентисты. Правда, с утра, как ему и обещал Павлов, он получил вполне настоящие деньги за свои старания. А ради них можно было не обращать внимания на всеобщее сумасшествие.

– Спасибо Вам, – раздалось над его ухом, когда он спустился на первый этаж.

Вадим стоял с радостной улыбкой, виновато спрятав руки за спину.

– Это моя работа, – сухо ответил Хомунин и жестом пригласил его к выходу. – Вы свободны, можете идти домой. Главное, не покидайте места жительства на время следствия.

– Да там это... – замаялся Плетнёв, опустив голову. – Ну, эти...

По приглушённым звукам со стороны выхода Артём понял, что вынудило его клиента трусливо жаться в здании суда. Люди со вчерашних митингов пришли встретить «детоубийцу» и скандировали те же лозунги – «Адентисты-сатанисты», «Долой сектантов из города», «Изувера на вилы». Впрочем, охранять подзащитного от разгневанной общественности не входило в адвокатские обязанности. Но Хомунин знал, что без его помощи справиться с такой ситуацией у парня точно не получится. Да и Павлов не дал чётких указаний, куда везти Плетнёва после освобождения. Поэтому пришлось воспользоваться «чёрным ходом».

– Я всю ночь не спал, молился, – признался Вадим, плетясь следом за Артёмом по внутреннему двору суда. – Так и не решился клеветать на пастора Роберта и братьев.

– Бывает, – отозвался Хомунин.

– Лгать – это большой грех, – продолжил Плетнёв, словно агитируя в ряды адвентистов. – А ведь источник лжи это Дьявол. Девятая заповедь запрещает лгать.

– Отрекаться от людей, попавших, как Вы, в беду, тоже запрещает? – парировал адвокат, которого религиозные фанатики всегда заставляли улыбаться.

– Я не отрекался от Христа, – судорожно заговорил Вадим. – Я веровал и верую.

– Я имею в виду Ваших друзей из этой адвентистской церкви. Павлов сказал, что Вас отлучили от неё. Я так понимаю, отлучить можно только за какой-то грех, ведь так?

Парень молча кивнул. Вступать в длительную беседу о своих духовных друзьях он как-то не хотел. Мало того, что его внезапно отпустили, так теперь ещё и возвращаться придётся домой к родителям. Не ехать же сейчас к пастору Роберту после того, что случилось. Или лучше съездить?

– Не рекомендую вступать в контакт с адвентистами, – заявил Артём уже в машине на глупый вопрос Вадима. – Пока идёт следствие, надо максимально тихо сидеть и не рыпаться.

– Но я ведь хотел помочь построить храм, – принялся Плетнёв ностальгировать о прекрасных планах. – И пройти обучение...

– А я бы хотел жить в Швейцарии, – парировал Хомунин с самодовольной ухмылкой. – Но между нашими желаниями и нашими возможностями, увы, существует расстояние.

Вадим опустил взгляд, потирая мозолистые пальцы. Вид у него был расстроенный. Хотя Артём бы на его месте радовался, что столь быстро и безболезненно решился вопрос с освобождением.

– Отвезу-ка Вас пока домой, отдохнёте, приведёте себя в порядок, – предложил Хомунин, заводя двигатель. – Главное, никуда не выходите сами и ни с кем в общение не вступайте из своей этой церкви. Между прочим, там тоже всё далеко не чисто...

– Не хочу домой, я оттуда с Божьей помощью ушёл навсегда, – пробубнил Плетнёв. – Я собирался жить у пастора Роберта и больше не ходить к родителям.

– Ну, хотеть – это прерогатива тех, кто располагает возможностями, – напомнил Артём о простой истине. – Никуда не деться, где-то же Вам надо жить. Денег у Вас, я так понял, нет.

– А тот человек в очках, может, он знает про какой-нибудь приют или общежитие? – оживился парень. – Я ведь быстро найду себе работу с Божьей помощью, я всё умею. На стройке могу работать, мусор убирать... Так-то я техникум закончил по специальности «деревообработка».

Адвокат задумался. Ведь у него имелась дача, которую родители просили отремонтировать уже который год подряд. Вот только находилась она за городской чертой. Насколько будет законно везти туда клиента?.. Впрочем, власти всегда могут связаться напрямую с Хомуниным, а уж он-то быстро доставит своего хорошо оплачиваемого подзащитного в любую точку города.

– Значит, ремонт – это Ваш профиль? – уточнил Артём, направляя машину в сторону выездной трассы.

– Да я запросто! – обрадовался Плетнёв. – Квартиру там, дом облагородить, сарай могу сколотить, гараж...

– Есть у меня на примете одна идея, – обнадёжил его Хомунин. – Дачный дом, двухэтажный, но уже такой весь старенький. Там бы порядок навести. Но жить можно, тепло уже вон, и печка есть, если что.

– Да я не мерзляк, – простецки заулыбался Вадим. – Согласен, лишь бы не к родителям, они у меня выпивают много.

– К тому же будет лучше в данный момент, чтобы ни журналоги, ни православнутаые не смогли до Вас добраться.

– Да-да, вообще замечательно! – обрадовался Плетнёв. – Вы мне очень помогаете, я в долгу не останусь. Кстати, на «вы» как-то непривычно, когда ко мне обращаются. Можете просто – Вадим...

На звонки Артёма Павлов сегодня не отвечал. Поэтому тратить время в городе он не стал, отвезя клиента в дачный посёлок. Место здесь, несмотря на отличную погоду, выглядело тихим. Многие владельцы домов даже не начали сезон. Так что Плетнёву тут можно было заниматься всем, чем угодно: хоть адвентизмом, хоть сатанизмом, хоть какими другими религиозными поисками. По дороге парни прихватили в магазине продуктов, тем более, как выяснилось, освобождённый клиент не употребляет животные продукты, даже молочные изделия. С таким рационом «шабашник» обойдётся Артёму очень дёшево.

– Ну вот, как видишь, участок у меня большой, – сказал Хомунин, заведя подзащитного во двор деревянного дома, где валялись прошлогодние листья и старые кирпичи. – Тут обычно пенсионеры тусуются, но один годик пропустили, так как летали за границу к родственникам.

Вадим с интересом изучал местность, стоя возле своего адвоката. Артёму всё больше начинал нравиться этот парень: не задаёт лишних вопросов, не требует денег, никуда не лезет. Если и мастер на все руки, то такого грех терять.

– Спать лучше наверху, там теплее, – продолжал адвокат уже внутри дома. – Да и кровать удобнее. В шкафу есть постельное бельё. Правда, не особенно свежее – сам понимаешь, сюда никто не навещался уже больше года.

– Да ничего, я с Божьей милостью, – отмахнулся Плетнёв, на котором по-прежнему была грязная роба, выданная ещё в СИЗО. – Лишь бы не в камере, а так хоть на полу спать можно.

– Камеры да, то ещё адище, – ухмыльнулся Артём, взбираясь на второй этаж по скрипучей лестнице. – Я попрошу братца подвезти стройматериалы какие-нибудь. Наверно, уже завтра, так как скоро вечер. А ты располагайся тут. Внизу есть плита и газовый баллон. Можно даже нагреть воды. Кран вот только на улице, там врезка в трубу. Тут у дачного кооператива своё водоснабжение...

Ознакомив верующего клиента с особенностями дачного быта, Хомунин поспешил обратно в город. В конце концов, у него были и другие дела, которыми надо вплотную заняться. Он забрал копии приговоров по одному подопечному насильнику, забежал к следователю насчёт несовершеннолетнего вандала и даже успел попить кофе с девушками из отдела по экономическим преступлениям. Словом, день был насыщен событиями, так что до офиса удалось добраться лишь вечером.

Там в пустынном коридоре его дожидалась высокая девушка в закрытом светлом платье. Рыжие волосы были уложены в длинную косу под серый платок. Лицо без единого изъяна – зелёные глазки, пухлые губки, ровный маленький носик и это всё без грамма косметики. По крайней мере, так показалось Артёму.

– О, наконец-то Вы пришли, – обрадовалась незнакомка, вскочив со скамейки. – Здравствуйте!

– Да, здравствуйте, – кивнул Хомунин и вставил ключ в дверь своего кабинета. – Вы по какому вопросу?

– Ой, да я по вашему делу, ну, из Церкви Христианской Надежды, – сообщила девушка и протянула руку. – Меня зовут Кристина.

– Очень приятно, – улыбнулся адвокат, открыв дверь. – Но я-то Вам зачем?

– Как же, это ведь Вы защищаете Вадима Плетнёва, – вставила она, зайдя следом за ним в помещение. – Мне надо с Вами о многом поговорить...

Признаться, девушка была симпатичной. Даже очень! Несмотря на её пуританский наряд, Артём подметил и сочную грудь, и изящную талию, и весьма неплохую задницу. Жаль, что его собственная пассия была далека от таких параметров.

– Мы все очень переживаем за нашего брата Вадима, – продолжала Кристина. – Мы пытались пообщаться с ним, но нас никого не пустили в изолятор. Говорят, что можно только с разрешения следователя, а там такая строгая особа оказалась.

– Ну да, Юлия Игоревна та ещё заноза, – усмехнулся Хомунин, присев за стол. – Так а я-то чем могу помочь? Друга Вашего выпустили сегодня, захочет – сам выйдет с Вами на связь.

– Да в том-то и дело, что мы не знаем, куда он подался. Мобильника у него нету. А дома у Вадима только пьяная маменька, туда он ещё не приходил.

– Послушайте, Кристина, мой подзащитный сейчас под подпиской о невыезде. Я так понимаю, тот гражданин Власьев, в чьей гибели обвиняют Плетнёва, из ваших же рядов. Ну, из адвентистов. Поэтому я посоветовал ему вообще ни с кем не общаться. По крайней мере, пока идёт следствие...

– Ой, да никто из наших братьев ни на дюйм не поверил в эти лукавства следствия, – заверила девушка, поправляя оборки платья. – Чтобы Вадимка и вдруг убил... Нет, это не про него. Он Божий человек, отличный парень, работающий, совестливый, отзывчивый. Мы сразу же все решили, что власти пытаются повесить на него чужие преступления.

– Ну, это, конечно, хорошо, что адвентисты так считают, – кивнул Артём, перебирая на столе канцелярские принадлежности. – Можете даже прийти на суд и заявить позицию своей общины. Но будет всё же лучше, если никто сейчас не узнает о месте нахождения Плетнёва.

– Да нет, Вы просто не до конца меня поняли. Я могу помочь вообще прекратить все эти нелепые обвинения.

Адвокат вновь невольно засмотрелся на её грудь, представляя, как она выглядит без этого скромного платья.

– Вы меня слушаете? – уточнила Кристина.

– Да-да, конечно, – очнулся Хомунин, про себя отметив, что давненько так не был впечатлён незнакомками. – Ну, рассказывайте, чем лично Вы можете нам помочь...

– Дело в том, что у нас в церкви происходят странные вещи, – заговорила девушка вполголоса, будто о чём-то секретном. – И они начались ещё до того, как похитили детей пастора Роберта и убили моего брата...

– Стоп! – воскликнул Артём и уставился на посетительницу более трезвым взглядом. – Вот с родственниками жертвы мне точно общаться пока не стоит. Поэтому спасибо за желание помочь, но...

– Да поймите же Вы!.. – настояла Кристина. – Никто больше не хочет нас слушать! Я ходила и к следователю, и в прокуратуру, и писала письма. Никто не желает вникать в суть происходящего, а это ведь очень важно. Обвиняют совершенно невиновного человека, в то время как на свободе бродят какие-то извращенцы!..

Последнее слово насторожило адвоката ничуть не меньше, чем тот факт, что перед ним сидит сестра убитого Власьева.

– Что Вы имеете в виду? – уточнил Артём.

– Только пообещайте, что всё это пока останется между нами, хорошо? – потребовала девушка и, получив одобрительный кивок, вдруг принялась расстёгивать воротник своего платья.

Она как будто прочитала мысли Хомунина, отчего смотреть за этим действием стало ещё интереснее. Парень даже не стал возмущаться, но его ожидало разочарование. Под одеждой просматривались какие-то чёрные рубцы и татуировки. Поначалу адвокат не разобрал, что именно скрывается на теле Кристины.

– Вот это появилось вчера, – сказала Власьева, обнажив шею и обе ключицы. – Видите?

– Вам не очень-то идёт, – подметил парень, начисто забыв о своих эротических мыслях насчёт этой рыжеволосой красавицы. – Зачем Вам такие тату?

– Нет, это не татуировки! Я не знаю, что это, но все эти похабные надписи покрыли моё тело, когда я очнулась вчера после нападения...

– На Вас напали? Вы уже были в милиции?

– Нет, и не собираюсь туда обращаться, – с обидой в голосе ответила Кристина, торопливо застёгивая пуговицы на груди. – Никто не знает, я даже отцу не сказала. Боюсь... Но это делают сатанисты, я просто уверена.

– Какие ещё сатанисты? – напрягся Хомунин.

– Те же, что убили моего брата и похитили детей пастора Роберта...

– Так, давайте уж поподробнее, раз речь зашла об этом.

Пришлось налить воды взволнованной девице и признать, что домой попасть вовремя опять не удастся. А Кристина поведала дикую историю про кровоточащие надписи в подвале адвентистской церкви. Дело в том, что Власьева работала там по вечерам, после учёбы, почти каждый день. В её обязанности входило помогать уборщицам и запира́ть храм на ночь. Недавно здание поставили на сигнализацию, так что необходимости проводить в нём тёмное время суток, как раньше, не возникало. И вот где-то пару недель назад уборщица пожаловалась на запах в подвале. Вызвали сантехника, проверили все трубы, но так ничего подозрительного и не обнаружилось. Правда, и вони в дневное время не было. Едва за окном темнело, как в подвале снова разливался жуткий аромат нечистот.

Через несколько дней к этому странному явлению добавились трещинки на недавно покрашенных стенах. Ещё через сутки из трещинок стали вылезать капли воды. А на следующий вечер – капли покраснели. Пастор городской общины адвентистов – Виталий Логотько – увидел в этом дурной знак и провёл обряд очищения. На самом деле он просто прошёлся по подвальным помещениям с библией и почёл молитвы. И вроде как это дало эффект – на следующий вечер никаких запахов и капель не было. Однако ещё через сутки трещины закровоточили с большей силой и стали срачиваться между собой. Присмотревшись, работники храма разобрали в этих таинственных узорах отдельные фразы из библии...

– Ветхий или Новый завет? – усмехнулся Артём, слушая эту легенду.

– Фразы были из Чёрной библии, – подчеркнула Кристина, и весёлый настрой адвоката сошёл на нет. – Как и надписи, которые появились на моём теле...

Постулаты Энтони Ла Вея, которому приписывают авторство главной книги современных сатанистов, стали появляться регулярно и весьма впечатляюще. Сначала пастор Виталий решил, будто кто-то над ним насмехается. Но ни в одну ночь на пульт вневедомственной охраны не поступало никаких сигналов о проникновении в церковь. Затем пастор решил, что необходимо подежурить в храме и поймать негодяя с поличным. Однако с этим планом случились основные неприятности. Стоило кому-либо провести ночь в Церкви Христианской надежды, как с этим человеком случалась беда. Например, пастор Роберт Камалов дежурил там за день до похищения его сыновей. А брат Кристины переночевал в адвентистской церкви буквально накануне своего убийства.

– А вчера там дежурила я... – с печалью сообщила девушка и шмыгнула носом. – Не помню, как заснула, но очнулась голая и в подвале. И вся в этих жутких надписях!..

Она пустила слезу, так что Хомунин поторопился вновь налить воды в пластиковый стаканчик.

– Бесовщина какая-то, – промышчала Кристина, утирая лицо носовым платочком. – Даже не знаю, как теперь рассказать родным и друзьям. Пробовала смыть – стало ещё хуже. Надписи из кровавых превратились в чёрные...

– Позвольте, – попросил адвокат ещё раз расстегнуть воротник и теперь уже более внимательно взгляделся в тёмные следы на ключицах посетительницы.

На вид они смотрелись как умелые татуировки, вот только с малоразборчивым почерком. Ни одну из фраз прочесть парню так и не удалось.

– Вот это, – указала Власьева на длинную кривую полосу, – означает «сатану надо познать»... А вот здесь, – она опустила воротник ниже и показала уже выступ левой груди, – «сатана считает человека животным»...

– И Вы считаете, это дело рук сатанистов? – переспросил Хомунин. – Как же им это удалось?

– Знаете, я человек верующий, поэтому думаю, что здесь не обошлось без колдовства. Может быть, имеется более трезвое объяснение всей этой истории, но установить истину мне одной не получается.

– Тогда я-то чем смогу Вам помочь? Я не экзорцист и в христианстве слабо разбираюсь...

– Но ведь Вы же адвокат и занимаетесь делом Вадима. Он тоже стал жертвой всей этой бесовщины, понятно же как Божий день.

Парень пробарабанил пальцами по столу. Ситуация и впрямь подозрительная. А если учесть, что вчера и сегодня ему удалось узнать подробности о неприятностях адвентистов, то выходила и вовсе странная картина.

В их храме появляются «кровавые» надписи, потом кто-то устраивает похищение детей одного из пасторов, а затем Плетнёв якобы убивает своего друга по вере. Параллельно возникает коллекция Павлова «Аденбарум», из которой два ювелирных изделия – акс и пернач – стали орудиями преступлений. Вспомнил Артём ещё и демонический образ своего клиента в баптистской одежде, а также разговоры в областном суде об округе дьявола и о бесах.

– Скажите, а хорошо ли Вы знаете Джастина Тимшинского? – уточнил адвокат после раздумий.

– Конечно, это наш пресвитер, – кивнула Кристина, уже перестав пускать слёзы.

– А чем отличается пресвитер от пастора?

– Пастор... он как бы работник церкви, служит в приходе, получает за это зарплату и выполняет определённые обязанности в соответствии с этим. Обычно, наши пасторы служат несколько лет и переезжают в другую общину. А пресвитер постоянно в одном месте и как бы не получает никакой оплаты за свою деятельность.

– То есть пресвитер важнее пастора? – не понял Хомунин.

– Да вроде нет такого разделения по степени важности. Пастор занимается духовными делами, он проповедует, работает с членами общины, ещё занимается вопросами обустройства церкви. А пресвитер помогает... Так а почему Вы спросили-то?

– Да так, всплыл тут этот ваш пресвитер в одном вопросе, – отмахнулся парень. – Лично вот этот Джастин Тимшинский, он что из себя представляет?

– Хороший человек, всегда во всём помогает, – пожала плечами Кристина. – Вы что, думаете, он как-то связан с сатанистами???

– Да ничего я не думаю. Просто полюбопытствовал. А он случайно не коллекционер?

– В каком смысле?

– Ну, там всякий антиквариат, произведения искусства...

– Мой отец дружит с пресвитером Джастиным. Я бывала у него дома. Да, там есть какие-то картины и скульптуры... По-моему, ничего особенного. А почему Вы интересуетесь?

Артём решил не выдавать всех своих профессиональных тайн. Взяв номер её телефона, он договорился, что свяжется с Кристиной завтра. В конце концов, девушка может не знать о криминальной коллекции «Аденбарум» и о связи этих вещей с адвентистским чиновником. Если же ей рассказать эту увлекательную историю сейчас, неизвестно, донесёт ли она об этом своему пресвитеру. К тому же Павлов говорил, что сам разберётся с этим вопросом. Вот только за весь день клиент, щедро оплачивающий адвокатские услуги по защите Плетнёва, так ни разу и не позвонил. Не ответил он и на звонок Хомунина сейчас, после ухода расстроенной Власевой.

Глянув на часы, адвокат вздохнул и всё же набрал номер следователя Юлии. Конечно, уже восьмой час вечера и вспыхивая девица могла не снять трубку, но кому-то же надо было спихнуть эту Кристину с «разрисованным» телом.

– Что ты мне названиваешь! – заголосила Юлия Игоревна, едва Артёму удалось до неё дозвониться. – Как тебя земля вообще носит, Хомушка-сатанюшка! Тебя совесть не съест, когда твой маньячилло прибьёт очередного ребёнка, а?!

Выслушав эту тираду, парень уныло вздохнул.

– Юлец, ну, ты сама же изменила меру пресечения, – парировал адвокат. – Сама выпустила моего подзащитного, что теперь истерить?..

Следователь вновь разлилась бурными ругательствами, словно Артём был виновен во всех бедах цивилизации. Правда, через пару минут девушка выдохлась – всё же сказывался конец насыщенного рабочего дня.

– Надписи??? – взвизгнула она, выслушав Хомунина. – Из сатанинской библии?!

– Ну, я лично ничего в них дельного не разобрал, – признался адвокат. – Однако девица утверждает, что эти цитаты прямиком оттуда.

– Погоди-ка, так ведь мальчика вчерашнего тоже изрисовали же! – голос у Юлии стал напряжённым. – Деваха эта у тебя сейчас?

– Нет, уже поздновато, и я отправил её домой. Могу дать номерок, она тем более уже пыталась связаться с тобой.

– А, так эта лохушка рыжая такая? – догадалась следователь, видимо, вспомнив адвентистку. – Ага, приходила она как-то, что-то невнятное несла... Ладно, завтра сама её вызову, посмотрим, что там с ней не так.

Юлия тут же отключилась, даже не поблагодарив за информацию. Впрочем, Артём привык к такой манере общения людей из органов. Тем более он сам узнал весьма любопытные подробности об убийстве сына адвентистского пастора. Если его снабдили такими же цитатами из Чёрной Библии, тогда Кристину можно было признать свидетелем защиты. А если она ещё и сможет вывести следствие на истинных убийц, то Плетнёв вообще окажется вне поля подозрений. На этом работа Артёма будет закончена.

Едва адвокат подумал о такой перспективе, как его мобильник запиликал. На экране высветился номер Павлова.

– Вы не забыли, что занимаетесь только адвокатской практикой? – флегматично подметил Ламбрانت, выслушав краткий отчёт о сегодняшних делах.

– Да я, собственно, ничего и не предпринимал, – попытался оправдаться Артём, которого голос клиента каждый раз заставлял нервничать. – Вы же сказали, что сами разберётесь...

– Раз уж Вам не сидится спокойно, поезжайте в морг.

– В морг?.. – напрягся Хомунин, и во рту тут же пересохло.

– Именно туда, – усмехнулся Павлов. – Вы же видели следы на теле этой девушки. Значит, в состоянии определить, похожи они на те, что есть у мальчонки. По итогам отзвонитесь.

Очередной собеседник закончил разговор, не спросив мнения Артёма. Это начинало раздражать. Правда, высказать своё возмущение ему было некому. Пришлось молча собраться и двигаться обратно к машине. Девушка Хомунина уже прислала дюжину недружественных сообщений на мобильник, что устала ждать его дома. Но деваться было некуда – в морг, так в морг.

Конечно, время уже отнюдь не приёмное. Да и днём туда попасть было проблематично, учитывая, что на входе всегда сидел озлобленный охранник, контролирующий электрическую «вертушку». Но приказы Павлова, который определял теперь работу Артёма в новом деле, взяли верх. Так что в бюро судебно-медицинской экспертизы, где хранились трупы с «криминальной» историей, он прибыл уже через двадцать минут.

Заведение работало в круглосуточном режиме, поскольку тела могли доставить и ночью, и ранним утром. Областная столица и её предместья насчитывали многочисленное население, так что и убийств, особенно бытовых, случалось немало. Когда Хомунин проходил студенческую практику, его посылали в качестве курьера как раз в такие вот невесёлые места за какой-нибудь справкой. И если отдельных патологоанатомов он знал в лицо, то вот охрана тут менялась часто.

– Нет, адвокаты и родственники приходят в приёмные часы, – пробубнил мрачный мужичонка в тёмной форме, отвечая на просьбу Артёма пропустить его к знакомому врачу.

– Да я по личному вопросу, – пояснил парень, – хотел только уточнить кое-что у дежурного и всё.

– Не велено пускать посторонних, – гнул своё охранник. – Завтра приходите, когда начальство будет.

– Да это всё по тому делу об убитом мальчике. Сами же понимаете, случай резонансный. Тут и ночью надо работать, и днём. А до утра можно упустить какую-нибудь важную улику...

Мужичонка с сомнением посмотрел на адвоката, почмокал губами и снял трубку со стационарного грязно-бежевого телефона.

– Василий Сергеевич? – вполголоса заговорил охранник. – Здесь какой-то адвокат, что-то насчёт мальчика... Да?... Ну, ладно...

– Вот видите, можно же, – обрадовался Артём, пройдя через «вертушку».

Городской морг выглядел довольно необычно – чистые коридоры, светлые стены, довольно приятные зеркальные таблички на дверях. Словом, если не знать, чем тут занимаются, можно подумать, будто это платная больница. Да и дежурный сидел в кабинете в компании с двумя кошками и как раз пил чай. На голове у него светлела медицинская шапочка, на теле свитер. Странный наряд для душного майского вечера. Совсем как Кристина в платье до самых пят. Но этого человека Хомунин видел впервые, так что воспользоваться старым знакомством не удалось.

– Ты ведь следак же, – твердил патологоанатом, хрустя очередной вафелькой. – Если бумажка будет или звоночек от следака, тогда могу показать. А так – какой смысл...

– Просто я вот только вечером узнал кое-какие новые подробности, – оправдывался Артём, стараясь быть предельно вежливым. – Есть одна барышня, родственница одного из убитых. У неё на теле надписи корявые. Вроде бы из Чёрной Библии, но надо проверить. Следователь сказала, что похожие имеются у убитого Камалова. Если они идентичны, то надо объединять дела.

– И в чём проблема? – ухмыльнулся работник морга. – Захочет если, сама придёт и всё посмотрит. Ты-то здесь причём?

– Понимаете, я просто видел эту барышню и видел эти надписи у неё на теле. Общаться со следствием она не особо хочет и, боюсь, вряд ли станет сотрудничать. Поэтому проверить бы вот поскорее...

Мужчина мотнул головой и улыбнулся.

– Дай-ка ещё раз гляну удостоверение, – попросил он и повнимательнее рассмотрел адвокатскую корочку. – Если оно окажется липой, а ты очередной дотошный журналистишка, так и знай, солью на тебя инфу в органы.

– Ну как можно уж, – деланно возмутился Хомунин, хотя давно привык, что его статус часто подвергается сомнениям.

Тем не менее дежурный повёл адвоката в конец коридора, где находился основной зал с холодильными камерами. Здесь тоже всё выглядело светло и бодренько: плакат с морским пейзажем на стене, розовые настенные часы и радио, из которого что-то бессвязно бормотало. Если б не стальные ящики в стене, помещение могло бы сойти за обычный смотровой кабинет.

– Так-с, Камалов, Алексей Камалов... – вздохнул Василий Сергеевич, заглянув в исписанный журнал на столике. – А, вчера вскрывали же его.

Он приблизился к холодильным отсекам и весьма резво выдвинул нижний ящик. Там лежало тело, накрытое серой клеёнкой. Артём поёжился, но отступать не стал. Патологоанатом ухмыльнулся, заметив его гримасу, и показал труп.

Поначалу смотреть на мертвеца-подростка было тяжело. Всё-таки вчера Хомунину удалось лично присутствовать на месте преступления и видеть те ужасные рисунки на стенах, перевёрнутые кресты, черепа. Но через пару минут стало полегче.

На вид покойный Алёша выглядел постарше 13-летнего возраста. Артём бы дал ему все 15 – довольно широкие плечи, развитые мышцы на руках и ногах. Видимо, спортом у адвентистов занимались с малых лет, да ещё на фоне какой-то вегетарианской диеты. Несколько небрежных шрамов, зашитых толстыми нитями, портили юное тело вкупе со светло-серым оттенком кожи. Вот только никаких надписей на нём не было – ни тёмных, ни кровавых.

Дежурный присел на корточки и с интересом заглянул под плечо трупа.

– Вот это ты хотел? – уточнил он, подозревая адвоката.

Там, действительно, просматривались кривые тёмные линии, похожие больше на вены. Правда, они переплетались в какой-то причудливый узор и лишь отдалённо напоминали почерк. Переворачивать полностью тело патологоанатом не стал, слегка приподняв левую часть, чтобы лучше разглядеть следы на боку и спине. Хомунин, преодолевая лёгкую тошноту, тоже присел рядом и принялся рассматривать. Если кривые линии были выдержками из Чёрной Библии, то они совсем не походили на надписи на груди Кристины. Впрочем, у Алёши Камалова они казались бледными, словно использованная при нанесении краска уже значительно стёрлась.

– *У-фиф*, – раздалось из угла чьё-то эхо, и Василий Сергеевич вздрогнул, уставившись вперёд.

Артём же продолжал изучать тело несчастного, стараясь запомнить узоры. Снимать на камеру что бы то ни было в морге почему-то нельзя. Хотя в деле наверняка имелись фотографии этих необычных следов.

– *Фиф*, – вновь прохрипело что-то, только теперь Хомунину показалось, что звук шёл откуда-то изнутри открытого холодильного отсека.

– Да ёшкин ж кот! – воскликнул дежурный, выключив радио, и вслушался в странные вздохи. – Ты тоже это слышал?

– Может, коты? – предположил адвокат.

Однако в следующую секунду рука Алёши сползла за спину, и Артёму будто бы показалось, что пальцы у трупа зашевелились. Парень отскочил на несколько шагов и нервно выдохнул. Патологоанатом тоже выглядел озадаченным, стоя перед открытым ящиком рефрижератора. Тем временем покойник Камалов задрожал. Его веки стали разлипаться, обнажая пустые глазницы. Синюшные губы зашевелились.

Хомунин смотрел на всё это, застыв на месте. Поэтому грохот упавшего в обморок Василия Сергеевича вынудил его вновь нервно вздрогнуть. Труп уже вовсю подпрыгивал, словно его били током. А в следующую минуту замер и вновь произнёс: «Фуф».

Как это вообще могло быть, Артём даже не пытался осмыслить. Его пробрал холод страха, совсем как вчера в католическом костёле во время инцидента с Павловым. И если оживающий у него на глазах покойник поначалу вызвал удивление, то сейчас хотелось как можно скорее покинуть эту дьявольскую обстановку.

Адвокат направился к выходу боком, продолжая смотреть, как убитый подросток шевелит губами и хлопает ресницами. Дежурный продолжал лежать на полу, не подавая уже никаких признаков жизни. Добравшись до двери, Хомунин задумался, поступает ли он правильно, оставляя патологоанатома наедине с подвижным покойником. А ну как тот сейчас накинется на него с острыми зубами и высосет всю кровь? Или сожрёт половину лица? А потом всё свалят на припозднившегося посетителя, который настаивал на встрече с работником морга?..

Но очередное шевеление мальчика заставило парня выскочить в коридор. Он побежал в сторону будки с охранником, стараясь пока не кричать. Правда, через пару мгновений Артём уже вовсю звал на помощь, ускоряя шаг. Так что к моменту, когда адвокат добрался до «вертушки», он голосил почти на весь первый этаж.

– Зомби, там зомби, он ожил!!! – верещал Хомунин, поэтому не заметил чью-то плотную фигуру, на которую со всей прыти налетел.

Ему не сразу удалось понять, что здесь находится уже не только охранник. Ещё двое незнакомцев стояли перед «вертушкой». Один из них как раз что-то заполнял в журнале посещений, а другой обернулся на крикливого адвоката. И надо же было такому случиться, что им оказался никто иной, как тот самый прокурор, который выступал сегодня днём в областном суде по делу Плетнёва!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.